

1.

Привет!

Добро пожаловать на Живодерню!

В мой личный храм Боли и Страх.

Только здесь мой послушный церковный хор исполнит вам песнь отчаянного воя, гимн скрежета и клацанья зубов, хоралы загнанного безнадежного стога и предсмертного хрипа. Только здесь вы услышите столь сладкий и столь тревожащий запах свежепролитой крови; клочья шерсти и слизь кишок, зеленоватых и венозно-синих, правят здесь.

На Живодерне живу я.

Но не подумайте, что я – ненормальный псих, мой разум здоров как никакой другой – и я позволю вам в этом убедиться.

Сегодня суббота. Низкие, напоенные тяжелой влагой тучи, похожие на грязные серые тряпки, болтающиеся на веревке во дворе у Безумной старухи, низко стелятся над землей, одни тучи до самого горизонта. Я жду наступления холодов.

За ночь ветер набросал в дом кипы желтых, красных и коричневых листьев. Их здесь уже много, они гниют по углам комнат, под лестницей и на чердаке. В этих кучах копошатся крысы, и я не упускаю возможности швырнуть в них камнем или, настигнув самую медлительную, пронзить ее палкой с ржавым гвоздем на конце, а потом, улыбаясь смотреть, как она бьется в судорогах на гвозде.

Палка с гвоздем – мой Каратель, беспощадный и милостивый одновременно. Каратель никогда не тронет поверженное тело животного, для этого есть другие Инструменты.

Думаю, пора вас с ними познакомить. К слову, у меня целый арсенал. Это Душитель – метровый кусок электрического шнура в резиновой изоляции, моя Разящая Пика – длинный заостренный на конце кусок арматуры, самодельный Бумеранг, ржавые мясницкие крючья и еще много-много разных мелких штучек, единственное предназначение которых – причинять боль.

Мои Инструменты и я – одно целое, единый живой организм. Без меня они превратились бы просто в груды хлама, да и я без них стал бы никем. И, конечно, без нас не было бы никакой Живодерни.

Наверное, я кажусь вам немного странным, но на всё есть свои причины, только я вам о них не расскажу. По крайней мере, точно не сейчас.

Сегодня суббота, а значит, нужно идти на рынок. Там можно своровать немного еды и денег. Кроме того, у меня есть кое-какие прежние накопления, и я смогу приобрести теплые вещи. Зима уже тянет свои холодные руки к горлу поблекшего мира, ее мутные жестокие глаза смотрят сквозь теряющий листву лес, сквозь рваное тряпье туч, из темноты коротких осенних сумерек.

Живодерня расположена на самом краю города, за очистными сооружениями и воняющими дерьмом полями фильтрации, за железными каркасами химического завода и свалкой мясокомбината, на которой разлагаются сизые животные останки, и фенольной речкой-говнотечкой среди редкого больного леса.

Раньше здесь была деревня, но после постройки химического завода ее жителей переселили в блочные многоэтажки нового микрорайона. Брошенные дома так и не снесли, и они остались доживать свой век в запустении, среди плесени и гнили, глядя провалами окон в сторону города. Их облюбовали бомжи и крысы.

Один из этих домов стал моим Храмом, моей любимой Живодерней. Но всё было не сразу. Пожалуй, как-нибудь я вам об этом расскажу.

Перед походом на рынок я решаю осмотреть свои владения. На улице дует сильный

пронзительный ветер, и я надеваю свитер и свою видавшую виды куртку. Мои ботинки изрядно поизносились, я понимаю, что без новых ботинок зиму мне не пережить.

За домом находится сад, прежний хозяин посадил в нем яблони и вишни. Среди густой жесткой травы выглядывают холмики грядок, давным-давно не дававших всходов. Конечно, я мог бы выращивать здесь овощи и сам, но я не садовод, я – Убийца.

В глубине сада находится большой сарай. В нем среди сырого смрадного сумрака вдоль обросших коричневатым лишайником стен стоят самодельные клетки. Мои клетки. В них обитают собаки и кошки, некогда бродячие или домашние, а теперь мои и только мои. Все они – расходный материал в моих экспериментах со Смертью.

Я открываю перекошенную дверь из серых подгнивших досок, узкий клин света вонзается в темноту моего Храма. Я слышу осторожные шорохи, тяжелое сопение и трусливый скулеж. Я чувствую запах сырой свалывшейся шерсти, запах гнили и медленного разложения. Сквозь щели в потолке пробиваются косые лучи.

Внимательно осматриваю клетки: все ли замки целы и надежно ли закрыты. Нельзя, чтобы кто-то из них убежал. Их всех ждет Смерть, и у меня с ней своего рода договор, нарушать который не стоит... Смерть – из тех деловых партнеров, что точно знают свое дело и требуют того же от других.

Животные при виде меня начинают беспокойно ерзать, их подернутые паволокой безразличия и смирения глаза вспыхивают ярче. Но этот огонь нельзя назвать Огнем Жизни, это всё страх, Страх Смерти. Я ощущаю его физически. Я не знаю, что они думают обо мне, но я уверен, что они меня боятся. И так должно быть. Страх – вот что дает превосходство и делает меня здесь хозяином.

Проверив клетки и замки, я удаляюсь под тихое шуршание моих пленников. Сегодня я еще вернусь к ним, а сейчас меня ждут дела. До встречи, мои милые...

Выйдя из сарая, я направляюсь через сад в сторону перелеска. По двум ржавым рельсам, когда-то бывшим основанием канувшего в небытие мостика, перехожу через речку-говнотечку, стараясь дышать через рот. От воды поднимается плотный едкий пар, который к тому же сильно смердит. Еще я вижу дно, покрытое густой желеобразной массой зеленого цвета. По берегам растет сухая трава и чертополох, из земли торчат сухие стволы мертвых деревьев, покрытые мхом.

Речка несет сточные воды с химического завода к очистным сооружениям, иногда по ней проплывают трупы птиц и мелких животных и прочий сор. Она извивается по перелеску, потом мимо полей фильтрации и теряется среди железобетонных конструкций и ангаров. Ее мутная вода, а также покрытые сухой травой берега и близлежащий лес – мертвы.

Вообще всё вокруг моего жилища напоминает огромное языческое капище Смерти, где каждый камень, каждое дерево и травинка посвящены Ей и только Ей.

Перелесок выплескивается в поле, бывшее когда-то аэродромом, отсюда уже видны блочные многоэтажки жилого микрорайона. Летом пацаны здесь играют в футбол, а зимой катаются лыжники.

Я иду, не спеша, поглядывая по сторонам, мои инстинкты охотника всегда работают на пределе, выискивая жертву и предупреждая меня об опасности. Окружающий мир жесток и коварен, и из охотника я легко могу превратиться в жертву – это я уже успел усвоить за свою недолгую жизнь.

Вхожу в город и здесь стараюсь быть еще более незаметным, ибо у людей нет ни малейшего повода любить меня, да и у меня их – тоже. Иду дворами, иногда пересекая узкие улицы, народу навстречу попадаетея немного – город маленький и по выходным все в основном на рынке. У ларьков трутсея алкаши с сизыми обветренными лицами, они вызывают у меня непроизвольное омерзение: даже животные, мои бывшие и будущие жертвы, выглядят куда более достойными своего существования на земле, нежели они.

Думаю, пора немного рассказать вам о себе. Мне четырнадцать лет, я невысок, но достаточно крепок, хоть и хромаю слегка на левую ногу – родовая травма или что-то

вроде того, точно не знаю. Я живу в этом городе уже три года, с тех пор, как сбежал из детдома.

Почему сбежал? Мне просто там надоело. Детдом – отнюдь не то место, о котором вы будете вспоминать с удовольствием.

Что еще сказать? Я ненавижу весь этот гребанный мир, и, уж поверьте, у меня есть на то достаточно веские причины.

Возможно, вы захотите спросить, где же мои родители? Хе-хе, это отдельная история, но я вам ее не расскажу.

Еще я стараюсь не попадаться на глаза ментам: сами понимаете, беспризорный подросток вызывает кучу ненужных вопросов, а в детдом я возвращаться не хочу. С тех пор, как я оказался там, я ненавижу детдомы.

Живу я, как уже рассказывал, на Живодерне, я облюбовал ее в свое первое лето в этом городе, то есть три года назад. Живодерня идеальна для моих экспериментов со Смертью – там совсем нет людей, а значит – лишних глаз. Забретающих в заброшенный поселок бомжей я в расчет не беру, их интересует только еда и выпивка, да и защититься от них я всегда смогу.

Еду я ворую на рынке, иногда питаюсь мясом пойманных животных, одежду меняю редко, только когда совсем изнашивается, покупаю ее на краденные или вырученные от сдачи пустых бутылок и макулатуры деньги.

Считайте, что вам повезло: о себе я рассказываю редко, да и, как понимаете, некому. Мои животные, может, и рады бы меня выслушать, но им такой возможности не представляется, еще раньше их настигает Смерть. А Смерть – это тоже своего рода занимательная история.

Миновав несколько жилых кварталов, я выхожу к городскому рынку. Он расположен на небольшой площади, огороженной проволочным забором, недалеко от реки. По будням на рынке немногочленно, встречаются в основном всё те же алкаши да цыгане, которые торгуют мясом, - а в выходные сюда выбирается почти всё население этого маленького городка. Самое лучшее время, когда можно остаться в толпе незаметным, поэтому я и хожу на рынок по выходным, если можно так сказать, ведь я нигде не работаю, и, соответственно, выходным у меня является каждый день.

У входа бабки продают варенье, домашние соленья и сушеные грибы, алкоголики – книги, старые радиоприемники, магнитофонные кассеты, короче, всё, что можно продать, а вырученные деньги пропить. Внутри самого рынка стоят ларьки и открытые лотки; небритые кавказцы продают фрукты и овощи, краснолицые тетки невнятного возраста – рыбу или тряпки, мужики в кожаных куртках, как правило, джинсы и модную одежду – это челноки, которые ездят за товаром за границу. В дальнем углу расположились старьевщики – их товар вроде того, что у алкашей на входе, но отобранный более систематично – значки, редкие книги, антиквариат. Я захожу в рынок и ныряю в толпу.

Скольжу в толпе, словно выплывшая на охоту акула. Высматриваю плохо спрятанные кошельки, зазевавшихся торгашей, оставленный без присмотра товар и вообще всё, что можно украсть, не привлекая к себе внимания. По мере моего продвижения по рынку, мои карманы наполняются помидорами, огурцами, яблоками и прочей едой. Что-то я съедаю по дороге, что-то оставляю про запас. Но это всё ерунда. Моя главная цель – это лотки с мясом, где торгуют цыгане. Если мне удастся незаметно стащить говяжью ногу или ребра, то вечером я устрою себе пир.

По дороге я останавливаюсь у прилавка с обувью, нужно посмотреть новые ботинки. У меня есть кое-какая сумма денег, я надеюсь, что ее мне на что-нибудь да хватит. Правда, особого выбора у меня нет – на эти деньги можно купить только китайские кроссовки или секонд-хенд. Я останавливаю свой выбор на втором. В итоге покупаю ботинки из кожзаменителя, это, конечно, не зимний вариант, но с шерстяными носками пойдет. Носки я покупаю у бабок на входе. Одна из них протягивает мне две конфеты. Я их беру, но, пройдя пару метров, выкидываю в урну – не нужно мне вашей жалости, жалкие

ублюдки, жалеите лучше себя.

Подхожу к мясным лоткам. Толстые цыгане продают здесь мясо, как правило, несвежее, но стоит оно дороже, чем у остальных. Правда, остальных здесь давно уже нет – цыгане их выжили с рынка. Кого-то просто угрзами, кого-то пущенным из-под полы ножом. Руки у них грязные и жилистые, в запекшейся крови, на пальцах перстни; их дети подбираются на улицах, но сами они ездят на дорогих автомобилях – сам видел, знаю.

У одного прилавка мужик с бутылкой пива торгуется о цене с высоким худым цыганом. Цыган достаточно молод, но зубы у него сплошь золотые. Я осторожно захожу сзади мужика и встаю сбоку: так, чтобы мне был виден прилавок, но цыган меня не заметил. Передо мной лежит увесистый свиной окорок, я прикидываю его на глаз – килограмма три, точно. Мужик выбирает вырезку, по ходу отхлебывая из бутылки, я чувствую слабый пивной запах. Я пил всего один раз в жизни, лет в девять, потом блевал полдня желчью с кровью, так что теперь к алкоголю абсолютно равнодушен.

Я дожидаюсь момента, когда мужик полностью закрывает меня от цыгана и хватаю окорок, потом со всех ног несусь к выходу с рынка. Слышу, как в спину несется:

- Ах ты, гаденыш, мясо украл, лови его, блядь!..

Затылком чувствую, что за мной гонятся. Бегу что есть сил, но окорок оказался гораздо тяжелее, чем я думал, и мешает бежать.

- Стой, сука, поймаю – яйца оторву! - я оборачиваюсь на миг и вижу, что за мной бегут два цыгана: тот худой и другой, невысокий и коренастый, с бритой головой.

Я оборачиваюсь лишь на миг, но кто-то успевает поставить мне подножку. Окорок выскользывает у меня из рук, а сам я лечу на землю, в лужи и грязь. Расцарапываю руки и колени, в лицо брызжет вода из луж. Замираю, как поверженное животное, готовый к жестокой расправе. Я ж говорю: каждый охотник всегда рискует оказаться жертвой.

Меня бьют ногами по ребрам, я не поднимаю головы, наоборот, обхватываю ее руками и погружаю глубже в лужу. Потом бьют по голове и снова по ребрам, не скупясь на удары, я чувствую во рту солоноватый вкус крови, в голове бешено стучит, откуда-то из тумана я слышу голоса:

- Ах ты, щенок, сучий выкормыш, ублюдок малолетний, - и снова удары, без разбору, со всей силой необузданной человеческой ярости.

Потом кто-то хватается за волосы и резким движением вздергивает мою голову.

- Что мяска, блядь, захотелось, а, сука? Жри, ублюдок, жри – и мне в рот пихают тот самый похищенный мною окорок, весь в грязи и дерьме, я пытаюсь стиснуть зубы, но меня бьют и кричат в самое ухо:

- Жри, жри!

Я пытаюсь жевать, давлюсь, меня воротит, и я скудно бую в лужу перед собой.

- А-а, не нравится? Так что же, блядь, воруешь? – снова получаю удар по ребрам. Краем глаза замечаю, что бьют меня оба цыгана по очереди, вокруг нас образовался круг из людей, но никто не вмешивается, все просто смотрят за представлением, а одна толстая баба даже умудряется смеяться.

А цыгане всё бьют и бьют. Я теряю сознание.

Прихожу в себя через некоторое время. Цыган нет, я лежу позади какого-то ларька, весь в грязи. Окорока нет – видимо, цыгане забрали его с собой – а что, помогут и снова выложат на прилавок, это они запросто. В голове стоит звон, в ребрах ломит, каждое движение причиняет боль.

Я медленно встаю на колени и ползу к стене ларька, как побитое животное. Опираясь на стену, встаю на ноги. Губы и нос разбиты, с них капает кровь. Запрокидываю голову вверх и стою неподвижно у стены, останавливая кровотечение. Стою так минут пять, по глазам бегут слезы – не от боли, от обиды. Уроды! Как же я вас всех ненавижу!

Через полчаса я уже сижу на берегу реки. Вдоль уреза к воде склонились деревья, ветер срывает с них последние лохмотья листы, бросает в воду, течение подхватывает их и

несет в последний путь. На той стороне реки среди кривых, похожих на старушечьи руки ветвей торчит труба котельной и ряды старых полуразвалившихся деревянных барачков. Вдалеке виден мост, по нему изредка проезжают машины. Огромные темные призраки скользят по мутной воде, мне кажется, я слышу их плач.

Я ощупываю руками лицо – глаз припух, губы разбиты, под носом застыла тонкая полоска запекшейся крови. Медленно спускаюсь к реке и умываюсь ледяной водой. Призраки мчатся ко мне, но им меня не достать.

Ополоснув лицо, поднимаюсь и сажусь среди сухой травы и павшей листвы. Я привык к жестокости, привык к побоям, иного жизнь мне не предоставила, извините. Еще в детстве я научился переносить боль; за годы, проведенные в детдоме, я научился ее не чувствовать вообще.

Мой поход бесславно окончен, увы. Добытые продукты либо растеряны, либо раздавлены во время избиения. Хорошо, хоть ботинки успел купить...

Пора возвращаться на Живодерню. Там и только там я – настоящий хозяин жизнью и герой. Там мой мир – мир, в котором всё подвластно лишь моей воле и ничьей другой. Мир, в котором боль причиняют не мне, а я сам – Властелин Боли.

На обратном пути обхожу город окраинами, по объездной дороге. Меньше всего на свете сейчас я хочу видеть людей.

Короткие осенние сумерки наползают со стороны реки и ложатся во дворы густой липкой патокой, начинает накрапывать мелкий осенний дождь. Включают фонари, и в лужах плавают их мутный, словно глаза тяжелобольного человека, свет. Вдалеке лают собаки, и я снова вспоминаю Живодерню. Я ускоряю шаг.

2.

Когда я возвращаюсь на Живодерню, кругом уже совсем темно. Дождь закончился, ветер шевелит верхушки деревьев в перелеске и гонит тяжелые вонючие испарения с речки. В доме Безумной Старухи горит слабый свет от костра.

Безумная Старуха – еще один житель брошенного поселка. Она обитает в небольшом доме вроде моего, у нее бывают бомжи и бродяги, там они пьют и дерутся, иногда убивают друг друга, тогда в речке можно найти изуродованный труп, покрытый струпьями и болячками, его даже вороны не трогают. Само собой, ментам до них тоже никакого дела – они просто стараются не замечать этих преступлений.

Сама Безумная Старуха – женщина неопределенного возраста, у нее грязные седые патлы, и почти нет зубов. Она любит выпить, иногда выходит в город, там раздевается догола и бегает за детьми, те швыряют в нее камнями и палками. Странно, что ее до сих пор не забрали в дурдом, но, может быть, просто не хотят связываться – взять с нее нечего, документов и родных у Старухи нет, да и сама она вряд ли помнит даже собственное имя.

Я прохожу через сад, прислушиваясь, - на Живодерне тихо. Мои пленники чувствуют приближение своего хозяина. Ну что ж, выбирайте, кого из вас мне принести в жертву первым.

Захожу в дом, в углу врассыпную бросаются крысы. Хватаю камень с пола и швыряю в них, но промахиваюсь. Ладно, черт с вами, уж до вас-то я всегда доберусь.

Поднимаюсь на чердак, там у меня хранятся Инструменты. Сквозь щели в крыше я вижу, что ветер разорвал пелену туч, и в разрывах проглядывает кровавая луна. Хорошее время для жертвы.

Беру Инструменты и спускаюсь вниз. Но на этот раз я крадусь тихо, очень тихо – столь привычной мне походкой охотника. Сжимаю в руке Каратель, чувствую, как оружие дрожит в моей ладони, прося крови.

Пока ходил за Инструментами, я привык к темноте и теперь вижу очень хорошо – крысы вернулись в свой угол. Я замираю на лестнице, не дойдя до конца пару ступеней. Заносу Каратель, его острие хищно смотрит в стаю крыс, собираясь полакомиться кровью. Выбираю самую толстую из них, прицеливаюсь. Короткий взмах – и Каратель летит в цель, крысы вновь бросаются по углам к спасительным провалам в полу, но моя жертва уже не успевает этого сделать. Каратель с легкостью вспарывает ее шкуру, перебивает позвоночник и пригвозждает ее к полу. Я ж говорю, в свои годы я достаточно силен, и со своими Инструментами управляться умею замечательно.

Крыса делает несколько резких движений в агонии и медленно замирает. Ее тело и лапы обмякают, она растягивается по полу. Из-под брюха ползет кровавая клякса, которая всё ширится и ширится. Я подхожу к ней и отрубаю ей голову Большим Ножом. Маленькая головка отлетает, как гнилое яблоко.

Я поднимаю ее и рассматриваю: красные глазки только-только подернуло мертвенной пленкой, я еще чувствую тепло убитого животного. Выхожу во двор и насаживаю крысиную голову на тонкую палку рядом с входом в дом. Тут уже с десятков таких палок, на которых торчат сморщенные головы убитых мною грызунов.

Но крыса – это ерунда. Близится время Большой Охоты. Я прохожу через сад к Живодерне. Открываю дверь, в это время из-за туч снова показывается луна и заливают всё мертвенным серебристым светом. Хороший знак: Охота будет славная.

Захожу внутрь сарая и осматриваю клетки. В одной из них сидит большая черная собака – достаточно большая, чтобы постоять за себя, но и она теперь мой пленник. Точнее, жертва – потому что именно на нее я сегодня устрою Охоту. Неторопливо открываю клетку.

Собака смотрит на меня, но не лает. На Живодерне лай – табу. И животные это знают. Они вообще очень хорошо знают, что их ждет, поэтому боятся своего хозяина. Но Смерть

никого не обойдет стороной, уж поверьте. Рано или поздно она выбирает всякого.

Я хватаю собаку за загривок и вытаскиваю из клетки. Внезапно животное выходит из ступора и в приступе бессильной ярости рычит и лязгает зубами возле моей руки. Но я – достаточно опытный охотник, чтобы пропустить этот выпад. Отдергиваю руку и швыряю ее на пол. Потом пинаю под зад и кричу: «Пошла!» Собака взвизгивает и несется к открытой двери сарая, к своему спасению от меня, от горькой участи обитателей Живодерни. Наверное, так она думает, не знаю. Я считаю иначе.

Собака выскальзывает в проем. А я аккуратно закрываю клетку. Потом осматриваю остальные. Звери в ней замерли, только тяжело дышат и всё. Я победоносно улыбаюсь. А потом бросаюсь в погоню за беглецом.

Я хорошо чувствую своих жертв, их особенный запах – запах страха. На всех парах прорываюсь через сад, сквозь заросли чертополоха и вижу свою цель, несущуюся к берегу речки. В одной руке у меня Бумеранг, в другой Каратель. За поясом Большой Нож.

Замахиваюсь Бумерангом, на глаз оценивая расстояние и прицеливаясь. Затем резким движением метаю его: орудие взвизгивает, словно чуя добычу, и несется вперед, прорезая густой воздух. Короткая вспышка в лунном свете, считанные доли секунды – и Бумеранг поражает цель. Точный бросок – собака припадает на лапах и катится по грязи. Следом ей летит Каратель. Он впивается в бок, грызя плоть, пуская кровь.

Я настигаю свою жертву, взмахиваю Большим Ножом и приканчиваю ее. Из ран в боку и на шее собаки фонтаном хлещет кровь. Падаю на колени и начинаю ее пить. Кровь теплая и чуть сладкая.

Животное еще бьется в судороге, но это длится недолго. Смерть прибирает свое добро, и я вижу ее усмешку, косой тенью скользющую сквозь перелесок, над ядовитой гладью речки; усмешку, пляшущую среди туч и их отражений на земле, в этом сжатом пространстве, где только и есть Смерть и я – ее посол, ее жрец и служитель.

Я беру Большой Нож и так же, как и недавно крысе, отсекаю животному голову. Потом аккуратно вспарываю шкуру, и, ловко орудуя ножом, снимаю ее целиком. Вырезаю внутренности и кидаю их в траву. На моих руках кровь и клочья шерсти.

Взяв окровавленную тушу и свои Инструменты, я возвращаюсь в дом. Луна исчезла, и по саду бродят сумрачные тени. Снова начинает накрапывать дождь.

Войдя в дом, кладу освежеванную тушу на стол в углу, потом иду на чердак и убираю Инструменты. Спускаюсь, ищу спички, затем развожу костер в глубине дома, кидаю в него доски, оторванные от прогнившего пола. Огонь разгорается быстро, пламя начинает лизать доски. Я беру нож и разделяю тушу собаки.

Достаю из угла закоптелое ведро, в котором обычно готовлю пищу, и выхожу во двор. Там под деревьями скрыт полуобвалившийся колодец. Вода в нем мутная, с кусками мха, отдающая гнилью. Но это в любом случае лучше, чем вода из речки.

Я набираю полное ведро и возвращаюсь в дом, где ставлю его на огонь, укрепив на кирпичках. Кидаю в него разделанную тушу.

Знаете, если вы брезгуете собачатиной, то я вам скажу, что вы – полные дураки. Или зажрались. Когда живот подводит от голода, съешь и не такое. А собак я научился есть еще в детдоме.

Там мы постоянно недоедали, поэтому в свободное от занятий время ловили собак и кошек и варили их в большом котле, украденном в детдомовской столовой, на заднем дворе за бомбоубежищем. Детдом стоял на краю города, но местные всё равно знали об этом нашем гастрономическом пристрастии и поэтому называли нас людоедами. Правда, людей мы не ели, хотя если бы нам представилась такая возможность, вряд ли кто-то отказался бы от куска человечины – уж поверьте.

Я нахожу соль в целлофановом пакете и бросаю горсть в ведро. Вода немного пузырится, а это верный признак того, что скоро она закипит. Я думаю, что Большая Охота сегодня удалась на славу. А еще о Пилигриме.

Пилигрим впервые появился здесь, в заброшенном поселке, в то самое лето, когда сюда нагрянул и я. Я мало чего знаю о нем, мне известно только, что он всё время путешествует и надолго в одном месте не останавливается. И тут он появляется раз в год, да и то на пару дней. Кажется, когда-то у него в поселке был дом, не знаю точно. Он немного странный, этот Пилигрим.

Кстати, Пилигримом он сам себя называет, но я так понимаю – это ненастоящее имя, правда ведь? Так вот большую часть жизни он путешествует, бродяжничает и говорит о боге. Он может бесконечно говорить о боге. И толку? Даже если бог и есть, ему плевать на всех: и на меня, и на вас – иначе сидел бы я сейчас здесь и рассказывал бы вам всё это?

Но вообще Пилигрим – хороший человек, наверное. Возможно, единственный в своем роде. Правда, я точно не знаю, что такое хорошо и что такое плохо. Как-то обхожусь без этих понятий. Но Пилигрим, по крайней мере, не причинял мне зла. Так, разговаривал со мной пару раз – и всё.

И вот сижу я у костра и думаю, что, наверное, это вообще-то интересно – путешествовать. Я-то кроме этого города, детдома, да того города, где я родился, ничего больше и не видел. И то тот город, где я родился, – не в счет, я о нем почти ничего и не помню.

Я бы и сам отправился путешествовать, но у меня есть Живодерня. На ней я тоже совершаю свои маленькие открытия, не хуже любого путешественника, только лежат они в области Смерти. Смерть – прекрасный рассказчик, не хуже Пилигрима, она с легкостью поведаст вам, сколь скоротечна жизнь каждого из нас, любого живого существа на земле...

Ну, да ладно, - что-то я разговорился, а вода меж тем закипела. Мясо плавает в ней и издает приятный сладковатый аромат. Но я вам так скажу – нет ничего на свете вкуснее и слаще свежепролитой крови. Когда она бьет из тела поверженной жертвы горячим алым фонтаном. Попробуйте – потом еще меня и благодарить будете.

Я достаю металлическую миску, найденную в сарае и отдраенную мной от ржавчины и грязи, и наливаю в нее горячее жирное варево. Оно вкусно пахнет. Не свиной окорок, конечно, но тоже сойдет – голод, как говорится, не тетка.

Я ем и смотрю в окно, в разрывах туч вновь видна луна, по верхушкам перелеска идет бесшумной волной ветер. На Живодерне тихо, и тихо в саду, лишь изредка со стороны дома Безумной старухи доносятся голоса: верно, там снова бомжи жрут дешевый вонючий портвейн или денатурат.

Поев, ставлю миску на подоконник – помою завтра, остатки варева туда же. Гашу костер и иду на чердак. Поднимаюсь по лестнице и снова слышу крысиную возню – ладно, на сегодня и с вас хватит, зато завтра с утра я начну настоящую охоту, ждите.

На чердаке в углу у меня лежак, на нем старый ватник, тоже найденный в сарае – немного, конечно, но я к удобствам не привык. Ложусь, укрываюсь ватником и тихо, прислушиваясь к ночным шорохам, лежу.

Я слышу очень хорошо, я даже не слышу, а чую каждое движение, любой звук или чужой запах – за годы общения с животным миром я и сам с ним породнился и научился у своих жертв многому. Я даже превзошел их в чем-то, ведь не зря они – жертвы, а я – охотник.

Лежа, думаю о сегодняшней Охоте и о том, сколько их мне еще предстоит. Также я думаю о надвигающейся зиме и о предстоящих холодах, я думаю, что в связи с этим надо бы пополнить состав обитателей Живодерни. Тем более, на днях я уже заметил в городе новую стаю бродячих собак.

Что ж займусь этой стаей завтра же. А пока я мечтаю. Вот именно – мечтаю. А вы что думали? Я умею мечтать так же, как и вы. Может, когда-нибудь я и расскажу вам о своих мечтах.

3.

Был у нас в детдоме один пацан по прозвищу Одноглазый. Прозвище его говорило само за себя: одного глаза у него не было, вместо него зияла подернутая розовой пленкой дыра. Он говорил, что глаз ему выбили, когда он был совсем маленьким - то ли камнем, то ли осколком стекла. Единственный уцелевший глаз у него был постоянно воспален, и в уголках его копился гной, который застывал некрасивой бледно-желтой коркой. Одноглазый был уродом, и - ясное дело - никто из детдомовских с ним не водился. Его презирали и избегали. Видимо, такова участь любого, кто хоть немного отличается от большинства.

Один только я не сторонился Одноглазого. Как ни странно, он мне нравился, этот малый. Глаза у него не было - это да, но зато умом и фантазией он в отличие от многих не был обделен. А значит, с ним можно было иметь дело, считал я. К тому же, на руку мне играло то обстоятельство, что его сторонились как прокаженного, - а это значило, что ему можно было доверить свои тайны: даже если он захотел бы рассказать о них кому-нибудь еще, его никто не стал бы слушать.

В общем, мы сошлись. Как раз тогда я начал свои эксперименты со Смертью. Одноглазый по-своему помогал мне. Мы вместе шатались в окрестностях детдома и ловили бродячих животных и птиц.

Одноглазый не мучил их, только ловил. Всё остальное делал я. Одноглазый молча наблюдал. Он был хорошим партнером: не осуждал меня и уж точно не заложил бы. Я думаю, ему по большому счету было всё равно.

Детдом стоял на краю города, сразу за ним начиналась промзона, рассеченная шрамом железной дороги. Вдоль нее росли высокие кусты чертополоха, высились развалины давным-давно заброшенных пакгаузов. Кое-где был бетонный забор, увенчанный гирляндой колючей проволоки. Из кирпичных труб керамического завода постоянно валил серый дым, застилавший небо, отчего оно даже в солнечную погоду казалось затянутым тучами. Там же было кладбище старых вагонов.

Они стояли вдоль железнодорожной насыпи, окруженные чертополохом, с оторванной или сгнившей обшивкой и ржавыми каркасами. Их поливал дождь, и жгло солнце. Внутри гулял ветер, и иногда ночевали бездомные. Мы с Одноглазым облюбовали их для своих игр.

Тогда у нас была еще одна забава - мы рассказывали друг другу разные истории, большинством своим придуманные. Правды в них было с гулькиным носом - это, конечно, так, - но что мы могли рассказать друг другу без вранья и разных прикрас, если ничего кроме детдома, по сути, и не видели.

Правда, случилось, что однажды Одноглазый поведал мне историю, которая, как он утверждал, имела место быть на самом деле. По крайней мере, так он сказал. Сомневаюсь. С другой стороны - Одноглазый не был вруном, это вряд ли. Фантазером - да, но не вруном.

Мы сидели в одном из разрушенных товарных вагонов и жгли костер. На углях стояла банка со свинцом из обшивки высоковольтного кабеля - мы выплавляли дробь для сделанного на днях самопала.

Одноглазый достал из кармана мятый окурок, вытащил из костра горящую головешку и, прикурив от нее, сказал:

- Это произошло давным-давно, когда нас с тобой еще не было, но всё это было на самом деле.

- Откуда ты знаешь, что это было на самом деле, если нас тогда еще не было? - перебил его я.

- Знаю, - упрямо сказал Одноглазый, - ты будешь слушать или нет?

Я замолчал. Одноглазый затянулся - розовая пленка в его мертвом глазу при этом слегка

задрожала - и продолжил:

- Давным-давно во время Большой войны на берегу далекого Южного моря жил маленький Мальчик. Вместе с матерью они обитали в маленькой рыбацкой деревушке, затерявшейся в песчаных дюнах. Их деревушку со всех сторон обступали сосны, которые шумели по ночам, и Мальчик часто слушал их разговоры. Отца у него не было, точнее, был, но его забрали на фронт.

Мать Мальчика работала прачкой в Большом доме, принадлежавшем очень богатому человеку, самому богатому в их деревне, да и во всей округе. На кирпичном заводике этого человека до войны работал и его отец.

Мальчик плохо помнил отца, помнил лишь его запах, расплывчатые контуры лица, но не детали. Отец уже давно был на фронте. Поначалу он часто писал им, обещал скоро вернуться. Потом письма стали приходить реже, в них уже не было прежнего оптимизма: отец писал, что положение их армии тяжелое, не хватает оружия и провианта, а Враг наступает. А потом отец перестал писать вовсе. Поговаривали, что его убили. Но никаких подтверждений тому не было, и Мальчик с матерью по-прежнему ждали его домой.

Мать вставала рано, еще засветло, готовила Мальчику завтрак и уходила на работу. Работала она до темноты, поэтому весь день Мальчик был предоставлен самому себе. Он играл на улице с остальными ребятами в чиж, ходил с ними купаться, но всё же большую часть времени он любил проводить в одиночестве – бродить в дюнах под сенью высоких мачтовых сосен. Он излазил все окрестности.

А вскоре в их края пришел Враг. В один из летних дней из-за дюн послышался резкий нарастающий звук, а вскоре показались мотоциклы с автоматчиками. За мотоциклами ехали армейские грузовики, а следом – весь в клубах пыли – железное чудовище – танк. На бортах грузовиков и на флагах, прикрепленным к их кабинам, мальчик увидел эмблему Врага - такие он видел на агитационных плакатах, изображавших кровавые сцены, в которых солдаты Врага грабили и убивали ни в чем неповинных детей и стариков. Мальчик тогда сильно испугался.

Однако солдаты Врага не стали никого грабить и убивать. Они просто стали на постой в тех домах, где было свободное место. Это называлось Оккупация. - Одноглазый проговорил по слогам Ок-ку-па-ция. - В доме Мальчика остановился офицер. Он был угрюмым малоразговорчивым человеком, и с мальчиком почти не общался. Нередко от него пахло спиртным.

Еще у офицера был денщик, который, в отличие от своего командира, был добродушным и смешливым, и однажды подарил мальчику пряник. К тому же он показал мальчику, как сделать воздушного змея.

Солдаты Врага прочно обосновались в их деревне. Некоторые из них даже обзавелись собственным хозяйством. Они часто говорили о близости своей победы и устраивали по этому поводу праздники. Мало-помалу местные к ним привыкли. Тогда-то Мальчик понял, что его отец не вернется уже никогда.

Мать Мальчика после начала оккупации перестала ходить на работу. Их полностью обеспечивал офицер, который вскоре стал ухаживать за матерью, - как это понял Мальчик. У матери появились новые платья, их ей подарил офицер, от нее нередко стало пахнуть духами. И еще вином. Мать словно подменили – это была другая женщина, совсем не та, которую знал Мальчик, и которая любила Мальчика и его отца. Мальчик чувствовал, как с каждым днем растёт пропасть между ним и матерью.

Однажды она сказала ему, что выйдет замуж за офицера. И тогда Мальчик решил убежать из дома. Его привычный мир был разрушен, и единственное, что ему оставалось, - бежать из него и, возможно, найти новый, где он будет снова дорог и любим.

Одним теплым солнечным утром на исходе лета Мальчика дома не обнаружили. Он рванул еще засветло, прихватив с собой лишь буханку хлеба да кусок мяса, выловленный из кастрюли с супом, стоявшей на плите.

«Пойду, куда глаза глядят», - решил Мальчик, - «глядишь, куда-нибудь да выйду». И он

рванул через дюны, подальше от маленькой рыбацкой деревушки на берегу Южного моря.

Кривые сосновые ветви сомкнулись над ним темно-зеленым колючим шатром, лесной сумрак окутал его, мачтовые сосны встали впереди сплошной стеной, лишь изредка в просветах между ними мелькало море. Вглубь леса уводила узкая, заросшая кустиками земляники и заячьей капусты тропинка. Мальчик пошел по ней - если есть тропинка, значит, куда-то она ведет, - рассудил он. Над головой рассыпались звонкими трелями птицы.

Он шел почти целый день, - он привык подолгу гулять в лесу, поэтому особо не устал. Так далеко он еще никогда не забредал. Сказочный лес встал кругом сомкнутыми рядами деревьев-великанов, сумрак сгустился и стал почти осязаемым. Тропинка, петляя между древесных стволов, убегала всё дальше и дальше, пока вдруг не оборвалась - внезапно, как почти все лесные тропинки, - в зарослях папоротника. Мальчик остановился. Такого поворота событий он не ожидал.

Тогда он сел на старый трухлявый пенёк и решил сначала перекусить, и только потом искать новую тропинку. Он съел кусок хлеба с мясом.

День начинал клониться к вечеру, и солнце медленно погружалось за верхушки сосен. Тени удлиннились. Мальчик решил скорее продолжать свой путь, потому что хотел выбраться из леса до ночи.

Он смело шагнул в заросли папоротника, втайне надеясь, что, если тропинка так внезапно пропала, то, может, она так же внезапно объявится вновь. Но тропинка так и не показывалась. Он долго брел в зарослях папоротника, слушая голоса вечерних птиц и медленно теряя надежду выбраться из леса до ночи.

«Придется ночевать в лесу», - подумал он, и тут лес начал редеть.

В сумерках блеснуло море, показались острые пики скал, похожие на зубы из вставной челюсти, которую мальчик видел у своего покойного деда. Высоко в небе светили первые звезды. В одной из скал темнела дыра.

Мальчик сразу понял, что это вход в пещеру. «Более подходящего места для ночлега и не найти», - решил Мальчик и смело полез в пещеру.

Внутри пещеры вопреки обычным представлениям о пещерах, как о местах сырых и темных, было сухо, а сверху лился мягкий призрачный свет. Видимо, там есть такие же дырки, как и та, через которую я залез, и это свет, идущий от звезд, - догадался Мальчик.

Ход пещеры круто уводил вниз, ее стены были сложены из серого гранита с редкими белыми вкраплениями кварца. Кое-где на стенах рос бурый лишайник и бледные грибы на тонких ножках.

Шагов через сто ход внезапно расширился, и взору мальчика предстала большая зала, с потолка которой свешивались похожие на сосульки сталактиты. Посреди залы на огромном валуне сидел одноглазый Великан по имени Циклоп. Казалось, он спал.

Но не успел Мальчик ступить и пары шагов внутрь залы, как Великан по имени Циклоп взревел:

- Кто посмел нарушить мой покой?

Как ни странно Мальчик несколько не испугался. Он спокойно ответил:

- Я.

Циклоп сверлил его единственным глазом.

- Ты, видимо, очень смел, человек по имени Я, если не боишься тревожить меня. И что же тебе здесь надо?

- Я лишь думал переночевать в этой пещере.

- Переночевать? - Великан по имени Циклоп усмехнулся. Да, ты определенно храбрый малый. Но ты здесь - незваный гость. Поэтому всё будет по-моему. Я загадаю тебе загадку, какую я загадываю всем, кто приходит сюда, и, если ты сможешь дать мне на нее ответ, так и быть - оставайся, но, если нет, тогда я тебя съем. Ты согласен?

- Согласен, - без раздумья ответил Мальчик.

- Раз согласен - значит, слушай, - глаз Циклопа вспыхнул ярким светом, а сам он заерзал,

потирая ладони, - на какую дорогу не ступи, а всё придешь к логову этого зверя; он о семи ртах и семи хвостах, питается травой и мясом, а иногда жрет и звезды, никто его не видел, но всяк знает о нем, а кто и повстречал, так тот никому уж о нем не расскажет – что это за зверь такой?

Мальчик думал долго, но никак не мог найти ответа. И тогда он честно сказал:

- Не знаю.

Великан по имени Циклоп расхохотался, а глаз его вспыхнул еще ярче.

- Это Смерть. То есть я.

И он проглотил Мальчика. А Мальчик сам стал Великаном по имени Циклоп. С тех пор он так и сидит в той пещере на берегу Южного моря и ждет мальчиков, сбежавших из дома...

Одноглазый замолчал. Я рассмеялся:

- И это было на самом деле? Ну, ты и врун, Одноглазый. Ты сам всё сочинил почти наверняка!

- Нет, всё было именно так, как я рассказал, - Одноглазый выудил из кармана еще один бычок и, как и в прошлый раз, прикурил от тлеющей головни.

- А я говорю, это ты сочинил. А Великан по имени Циклоп - это ты и есть.

И я принялся скакать вокруг него, тыча в него пальцем и выкрикивая:

- Циклоп, циклоп... Одноглазый - циклоп.

- Не хочешь - не верь, - Одноглазый бросил окурочку, затоптал его ногой и, не говоря ни слова, пошел к выходу из вагона.

Я понял, что он обиделся. Я побежал следом. Одноглазый ковылял вдоль железнодорожной насыпи. Я догнал его и пошел рядом. Всю дорогу до детдома мы молчали.

С Одноглазым вышла такая история. Осенью в детдоме делать было нечего, и мы часто ходили на кладбище вагонов. Как-то мы с Одноглазым пошли туда взрывать бомбы. Бомбы делали из пластиковых бутылок из-под лимонада и карбида, который Одноглазый стащил у рабочих еще летом, когда в детдоме меняли трубы отопления.

Устройство такой бомбы простое – берешь пустую бутылку, кидаешь в нее карбид и перегибаешь пополам. В верхнюю половину наливаешь воды, но так, чтобы она не попала в ту половину, где карбид, закручиваешь пробку и разжимаешь бутылку. Потом кидаешь подальше и – ба-бах! Для пущей веселухи в бутылку можно засунуть лягушку – взрывом ее разрывает на части.

Взорвав весь наш боезапас, мы бесцельно брели вдоль железной дороги. Вдалеке в районе товарной станции раздавались резкие свистки поездов, о чем-то вещал громкоговоритель диспетчера. Сеялся мелкий дождик. Одноглазый молча курил, а я сбивал палкой сухие стебли чертополоха.

Внезапно из-за поворота впереди показался локомотив. Следом за собой он тащил товарные вагоны. Мы шли ему навстречу. Поезд медленно приближался.

Почти поравнявшись с нами, он дал предупредительный свисток и пополз мимо, стуча колесами. На платформе локомотива стоял человек с пропитым лицом, держа в руке красный флажок. Он скользнул по нам мутным взглядом.

Поезд полз медленно, словно толстый обожравшийся червяк. Один за другим проплывали крытые товарные вагоны, следом за ними платформы, груженные щебнем. Казалось, конца ему никогда не будет. Показались пустые платформы, которые, видимо, просто перегоняли.

И тут Одноглазый встал как вкопанный. Молча посмотрел на проходящий мимо состав, на эти платформы. Потом повернул ко мне свою голову. Я сразу заметил, что он сильно возбужден – таким я его еще не видел.

- Слушай, давай на него з-за-запрыгнем, - сказал Одноглазый, даже немного заикаясь от волнения, чего я раньше за ним не замечал.

- Это еще зачем? - спросил его я.

Лицо Одноглазого нервно задергалось.

- Ну, как ты не понимаешь, - в смысле уедем на нем... убежим отсюда.

Так вот к чему он клонил. Признаться, я тогда уже всю думал о побеге, но, взвесив все за и против, отложил его до будущей весны. И тут вдруг Одноглазый...

- Ну, я не знаю... - протянул я, - Одноглазый с его нервным энтузиазмом порядком спутал мне карты. Конечно, я мог послать его куда подальше, но почему-то делать этого с Одноглазым мне не хотелось.

- А чего тут знать, - Одноглазый перешел на шепот, что свидетельствовало о его сильном душевном волнении, - прыгнем на поезд, доедем до ближайшей крупной станции, там пересядем на электричку - и ищи нас как ветра в поле. Можем на юг поехать, к морю, я читал... Ну, как тебе?

Я промолчал. Я думал о надвигающейся зиме и холодах. Но Одноглазому ничего не сказал.

- Ладно, прыгаем.

- Ну, так бы сразу! - Одноглазый сорвался с места и побежал в обратном направлении, по ходу поезда. Поравнявшись с одной из пустых платформ, он недолго примеривался, потом быстро запрыгнул на нее. Я запрыгнул следом.

Почти сразу же поезд принялся набирать скорость, мимо понеслись серые развалины пакгаузов, чертополох, разбитые вагоны, затянутые зеленой тиной болотца.

Мы сели у борта платформы. Поезд выехал за территорию города и мимо замелькал раздетый листопадом осенний лес. В голове было пусто. Я не знал, зачем сорвался с Одноглазым. Наверное, это было глупо. Наверняка было глупо. Но на его губах играла такая беззаботная улыбка, что я решил отбросить все мысли и просто ждать того, что произойдет дальше. Почему-то теперь я был уверен, что что-нибудь обязательно произойдет.

Стук колес убаюкивал, меня начало клонить в сон. «Ладно, будь что будет» - решил я - «хуже, чем есть, уже вряд ли может быть». И я провалился в сон.

Меня разбудил крик:

- Эй, бля, что вы там делаете?

Я моментально вскочил на ноги - привычка, приобретенная в детдоме: мгновенно мобилизовываться при малейшей опасности. Рядом уже стоял Одноглазый, лицо его было напряжено, розовая пленка в пустой глазнице нервно пульсировала. Я повернулся туда, куда смотрел он.

Через платформу от нас стоял тот самый железнодорожник с пропитым лицом, которого мы видели незадолго до того, как запрыгнуть на поезд. В руке его была монтировка или что-то вроде того. Он быстро двинулся к нам.

Не сговариваясь, мы побежали в противоположную от него сторону. Поезд несся на полном ходу, в ушах засвистел ветер. Впереди было еще платформы четыре - не больше - а дальше поезд заканчивался. Я сразу понял, что наш побег обречен на провал. Мы будем схвачены, избиты и возвращены в детдом. Или нужно прыгать.

В принципе я не имел ничего против возвращения. Я не собирался убежать, по крайней мере, пока не собирался, это была идея Одноглазого. К тому же вряд ли из этой затеи, в конечном счете, могло выйти что-то хорошее: мы просто не были достаточно подготовлены к настоящему побегу. И хотя я и бежал сейчас за своим уродливым приятелем, однако во мне шевелилось сомнение.

Но опять все мои карты спутал Одноглазый. Он крикнул:

- Прыгаем!- и в то же мгновение исчез за бортом платформы.

Я слегка притормозил и обернулся. Железнодорожник оказался проворнее нас и был уже близок к тому, чтобы схватить меня, - всего в каких-то десяти шагах. До конца поезда оставалось две платформы - и одна из них была той, по которой я бежал. Ничего не

оставалось - и я, задержав дыхание, рванул через борт вслед за Одноглазым. Меня оглушил грохот колес.

Я приземлился на щебень железнодорожной насыпи, больно ударившись коленом и изодрав руки в кровь, и покатился вниз. Со всего разгона я вломился в густой кустарник, росший вдоль железной дороги. Позади громыхал поезд.

Удар о землю оглушил меня и сбил дыхание, поэтому мне пришлось несколько минут лежать в кустах, согнувшись в три погибели, и хватать воздух ртом. Разодранные руки начинали саднить, колено отдавало тупой болью. Где-то сзади, удаляясь, прогудел локомотив.

Наконец, отдышавшись, я встал. С рук капала кровь, я сорвал пучок сухой коричневатой травы и наспех вытер их. Нужно было найти Одноглазого. Я позвал его, но никто не ответил. Прихрамывая, я поковылял вдоль железнодорожной насыпи.

Я нашел его метрах в ста от места своего приземления. Он лежал со свернутой шеей в кустах рядом с небольшим болотцем. Единственный его глаз невидяще смотрел в небо. Он был мертв – и от того казался похожим на маленькую тряпичную куклу, которую за ненужностью кто-то выкинул из окна проходившего мимо пассажирского поезда.

Я сел рядом с ним. Одноглазый оказался хитрее, чем я думал. Он убежал. Не просто сбежал из детдома, но покинул эту мрачную жестокую реальность, не сулящую ничего хорошего таким, как я и Одноглазый. Я посмотрел на его лицо. Мне показалось или он улыбался?

Немного поразмыслив над тем, что делать с моим бывшим приятелем, я столкнул труп уроды в болотце, зеленая пленка на поверхности воды порвалась, и топь приняла тело Одноглазого с сочным хлюпом. Прощай, Одноглазый, хитрец ты этакий.

В детдоме недолго искали Одноглазого. Пару раз вызывали меня к директору – я типа был единственный, кто с ним общался. На все расспросы я лишь пожимал плечами: не знаю, мол, пропал куда-то и всё, причем здесь я? Я им ничего не сказал. Думаю, Одноглазый этого и хотел.

На самом деле я сразу раскусил его. Я знал, где он сейчас. Я вспомнил ту историю, что он мне рассказал незадолго до смерти. Он и был тем самым Мальчиком. Как и все остальные отверженные дети. Как все те, кто гуляет вдали от дома.

Спи спокойно, Одноглазый, - подумал тогда я. Или ты теперь Великан по имени Циклоп?

4.

Утро вползает в дом тусклым светом и шумом дождя. Я каждой клеткой своего тела чувствую сырость. Она повисла в воздухе, залегла в старых стенах и полах, в гниющей по углам опавшей листве. Я понимаю: осень заканчивается.

Встаю и первым делом иду посмотреть на свои Инструменты. Мы молча приветствуем друг друга и улыбаемся своим мыслям, мы знаем: вместе мы еще повеселимся. Ржавые мясницкие крючья слегка покачиваются на сквозняке и позвякивают.

Я спускаюсь вниз с Карателем в одной и Большим Ножом в другой руке. Провожу стремительную атаку и убиваю трех крыс по очереди – неплохой улов! Значит, мне сегодня везет, а это хороший знак, учитывая мои планы.

Отсекаю им головы и насаживаю на колья во дворе. Потом набираю воды из колодца и умываюсь. На улице мелко капает навязчивый осенний дождь. Со стороны химического завода слышится тихий монотонный гул.

Вы всё еще помните, что я сегодня собирался поохотиться? Тогда знайте: я просто сгораю от нетерпения. Но одно дело – убить животное с Живодерни, другое – выследить бродячую стаю и отловить собак. Это гораздо серьезней. Здесь без подготовки не обойтись. И в первую очередь нужно принести Жертву. Иначе Охоты не будет.

Поэтому, доев остатки вчерашнего варева, я вооружаюсь Инструментами и иду на Живодерню.

Дождь не унимается; в саду сыро, трава примялась, под ногами слизистым месивом лежат гниющие листья. Я несколько раз скольжу в грязи. Серые доски сарая потемнели от влаги, с крыши, покрытой мхом, стекает вода.

Я захожу на Живодерню и выпускаю из клеток трех ее обитателей: двух собак и кошку и вытаскиваю их во двор. Кстати, я не говорил: у каждого из них на шее моток веревки с биркой, на ней ножом выцарапана большая буква «Ж» - это своего рода мой знак. Я весьма скрупулезен в своих делах.

Вытаскиваю их, взяв рукой за эту веревку, и беру Инструменты. Животные смотрят на меня сначала с легким непониманием и недоверием, а затем и с нескрываемым ужасом – поверьте, они прекрасно всё осознают и предчувствуют свою скорую гибель. Они даже не пытаются напасть на меня.

Они пробуют бежать, но Каратель, Разящая Пика и Бумеранг знают свое дело. Они протыкают, вырывая куски шерсти с мясом, крошат и кромсают. Они выкалывают глаза и выпаривают животы, выпуская кишки. Потом в дело вступает Большой Нож – он отсекает головы. Трава краснеет от крови, в грязи пузырятся сизые внутренности.

Я закрепляю мясницкие крючья на гвозди, вбитые в стену Живодерни, и подвешиваю на них своих жертв. С них капает кровь. Я вбиваю в землю колья и насаживаю на них отрезанные головы с оскаленными от ужаса мордами. Смотри, Смерть – это жертва тебе! Пусть сегодняшняя Охота будет удачной.

Вытираю руки о траву – они в крови, шерсти и слизи. Аккуратно очищаю Инструменты. Обезглавленные трупы моих жертв болтаются на осеннем ветру, стучаясь о стену Живодерни. Я чувствую, как остальные ее обитатели бьются в своих клетках, не находя покоя, - они чувствуют кровь своих соплеменников, они чувствуют свою собственную надвигающуюся смерть. И они чувствуют мое величие, мое превосходство над ними. Они чувствуют мою власть.

Довольный возвращаюсь в дом. Жертва принесена, а значит, Смерть на моей стороне.

Дождь не кончается, похоже, это на целый день. Я же жду наступления сумерек – лучшее время, когда можно поохотиться, не привлекая к себе ненужного внимания. Убиваю время, ловя крыс. К вечеру у дома целый частокол из крысиных голов.

Я выступаю незадолго до наступления темноты. У меня с собой прочная сетка, сплетенная из рыболовной лески, Душител, Бумеранг и Каратель – на всякий случай.

Иду своей обычной дорогой – той, которой вчера шел на рынок, – через речку, через перелесок и старый аэродром. На другом конце аэродрома находятся гаражи, за которыми раскинулась довольно-таки большая свалка, куда нередко выкидывают отходы с мясокомбината, там постоянно копаются бродячие собаки, так что отловить один-два экземпляра для моей коллекции – не проблема, но на днях я видел целую стаю.

Помните, как-то я вспоминал о родителях? Что ж, так и быть, поведаю вам и о них и о том, что с ними стало. Правда, скажу сразу, что толком-то я их и не знал: они были алкоголиками, их лишили родительских прав, а меня отправили в детдом. Но кое-что я все-таки помню.

Помню, когда мне было лет пять, отец в припадке пьяного бешенства выволок меня из дома на улицу и, схватив за ногу, повесил вниз головой прямо над колодцем – мир в тот момент во всех смыслах перевернулся у меня перед глазами. И, кстати, навсегда.

Хорошо, прибежали соседи и отняли меня у отца. Хотя он, наверное, до сих пор об этом жалеет – уж поверьте мне, я это знаю точно, ха-ха-ха.

И матери было на меня плевать. Она, как и отец, была всё время пьяная и крыла меня матом, кричала, как же меня ненавидит. Насколько я знаю, она даже хотела меня придушить, когда я только родился, но я почему-то не задохнулся и уже тогда показал всем, что так-то просто меня не взять.

Еще была бабушка. Она тоже пила с родителями и так же, как и они, ненавидела меня. Она называла меня маленьким выблядышем и всё время ругалась на меня. Она говорила матери, что надо было меня не душить, а взять и стукнуть головой о стену – так бы я вырос дебилом, и государство хотя бы платило им за меня пенсию.

Они закрывали меня в кладовке, когда пили; бывало, по нескольку суток я сидел в крошечной темноте среди собственных экскрементов и липкого страха; у меня никогда не было игрушек – ничего вообще, что есть у нормальных детей.

Я рос среди ненависти. И вы, наверное, скажете: как же хорошо, что меня однажды все-таки забрали от них. Ха-ха-ха! Как бы не так!

Детдом – не самое лучшее место для воспитания добрых человеческих чувств. У детей, не знавших ласки родителей, не было ни малейшего повода любить вообще кого-то, а, в особенности, друг друга. Как не было его и у воспитателей, называвших нас маленькими гаденышами и ублюдками.

В этом мире все ненавидели друг друга: дети – детей и взрослых, взрослые – взрослых и детей. Там не учили ничему тому, что вы считаете хорошими вещами. Там каждый был сам за себя и все постигали только одну науку – выживать.

А что вы хотели? Именно там я и понял: всему миру плевать на нас, ведь мы – отверженные дети. Мир проклял нас и отправил в изгнание.

Хотя, может, оно и к лучшему: там я научился кое-чему. Например, научился ненавидеть. Скажу вам, это очень ценное качество. Во многом, лишь благодаря ему я сейчас и рассказываю вам всё это.

Позже я научился убивать. Начал с того, что попроще: с лягушек и голубей. Лягушкам я отрывал лапки, голубям – крылья и головы. Позже я стал мучить более крупных животных – и это приносило мне огромное удовольствие. Может, потому что мы были в чем-то похожи. Такие же затравленные. Такие же слабые и испуганные. Нет ничего приятней, чем уничтожать подобных себе. И я осознал свое превосходство над ними. Я мог причинить им боль, я мог убить.

Я потратил пять лет, чтобы научиться ненавидеть и заставить других считаться со мной. И тогда я решился на побег. Я просто понял – пора. Нужно было кое с кем посчитаться, нужно было доказать им, что теперь я уже далеко не жертва, более того, теперь я сам – Охотник.

История с Одноглазым меня тоже многому научила. Я основательно подготовился и рванул из детдома при первой же представившейся возможности – думаю, никто там

особо не горевал по этому поводу.

Всё время, что я провел в детдоме, мне не давала покоя мысль о том, как я отомщу своим родителям. Теперь, оказавшись на свободе, я не мог жить без нее. Старые обиды давали о себе знать. Они должны были ответить за мою боль. Наступила пора боли для них.

Я приблизительно помнил, где мы жили, в детдоме перед побегом я узнал точный адрес. Ну что ж – время мести пришло.

Да, вы, конечно, можете спросить меня: как это одиннадцатилетний ребенок может убить своих родителей? Я мог. Я научился этому. И я был рад. Тем более что я был уже далеко не ребенком.

Ха-ха-ха, план мой был предельно прост, но сколько в нем было сакрального для меня смысла! Я нашел их. Они по-прежнему пили, не просыхая. И это было мне на руку.

Тем летом я долго следил за их домом и однажды ночью залез в него через незакрытую форточку. У меня были только канцелярские ножницы и больше ничего. Но в моих руках и это было страшным оружием.

Они напились и спали. Я зарезал их всех во сне: ненавистного отца, ненавистную мать и ненавистную бабушку. А потом поджег дом. Больше моего гнусного прошлого не существовало.

В конце того же лета я уехал в соседний город, то есть сюда, и нашел место, где бы мог жить. Здесь же я основал Живодерню. Как вам такой расклад, а?

Я наконец-то был по-настоящему счастлив: я научился убивать, я научился главному – жить с ненавистью. Я сделал ее своей верой.

Вот так. С такими мыслями я вышел на Охоту. Думаю, Каратель, Душитель и Бумеранг думают о том же. Ступив на путь Смерти, нужно служить ей до конца. Ну, да ладно.

Я пересек аэродром, трава была влажная – дождь только кончился – и мои ботинки отсырели. Ерунда. Сейчас главным делом была Охота.

Прошел мимо большой кучи мусора и свернул к гаражам. Они виднелись метрах в пятидесяти в тусклом свете единственного прожектора. Сразу за ними начиналась свалка.

Завыла собака. Я замер, прислушиваясь. Ветер шелестел в перелеске позади меня, в городе гудели редкие машины. И я услышал лай.

Сначала залаяла одна собака, потом вслед за ней другая. Ага, мои жертвы были там, где я и ожидал их отыскать. Удача. Я перехватил Инструменты поудобнее и со всех ног помчался туда.

Стараясь сильно не шуметь, обогнул гаражи, и передо мной открылась свалка. Тотчас же во тьме я увидел силуэты животных. Две собаки ковыряли мордами мусорную кучу. Через мгновение из-за дальнего гаража выбежала еще одна. Неплохо.

Но здесь нужно быть осторожным – животные попросту могут убежать. Конечно, Бумеранг и Каратель настигнут их, но это будет только две. А я хочу три.

Поэтому я достаю сеть, разматываю ее и, вытянув на руках, медленно крадусь в сторону животных. Я умею красться осторожно, уж поверьте. Животные замечают меня лишь в последний момент. Но сеть уже опутывает двоих, а Бумеранг настигает третью. Собака взвизгивает, а я бью Карателем – так, чтобы не нанести серьезной раны, но парализовать животное.

Замечательно. Связываю ей морду и лапы, то же самое делаю с теми, что бьются в сети. Спокойно, дорогие, теперь вы – моя собственность. Не знаю, как вам, а мне это очень даже нравится.

По очереди, в несколько ходок, я переношу связанных животных на Живодерню. Они бьются у меня в руках, норовя высвободиться, но я умею держать цепко. Никуда вы теперь от меня не денетесь!

На Живодерне я запираю их в освободившиеся клетки. На стене по-прежнему болтаются трупы моих утренних жертв. Их уже начали клевать вороны, я замечаю одну сидящей на

крыше и швыряю в нее палкой. Ворона взмывает с хриплым карканьем. Так-то. Нечего трогать моих жертв. До поры. Потом они всё равно станут вашей добычей, так что нужно только подождать.

После всего этого я иду в дом. Убираю Инструменты на чердак. Нежно укладываю Сеть, Душитель, Бумеранг и в конце Каратель – моего любимца. Нежно провожу ладонью по древку, словно чувствуя тепло, идущее изнутри. Я люблю свой Каратель, и Каратель любит меня, уж поверьте.

Потом спускаюсь по лестнице. Меня переполняет радость. Похоже, в последнее время Смерть на моей стороне. А это хорошо. Не так-то просто ей понравиться, скажу я вам. Но у меня это, похоже, получилось.

Я решаю прогуляться перед сном. Мой путь лежит через поселок. Со всех сторон на меня смотрят пустые глаза давным-давно брошенных домов. В садах пустынно; к ночи ветер разогнал тучи на небе, и теперь там правит одинокая луна со свитой тусклых звезд. Ее свет пробивается сквозь сплетения кривых ветвей и ложится в примятую траву и в грязь и на всё, что живет, шевелится и копошится в этой грязи. Впервые за много дней я испытываю нечто вроде умиротворения.

Внезапно из темноты на меня бросается с воем что-то крупное и светлое. Оно кричит и клекочет. Я узнаю Безумную Старуху. На ней грязный передник – и всё. Сверху она обнажена. Ее сморщенные груди с потрескавшимися коричневыми сосками обвисли, как перезрелые груши, догнивающие на ветке. Она бежит босая по грязи, воздев руки к небу, в ее мутных глазах – сумасшествие и отчаяние.

Я хватаю с земли палку и, размахивая ей, кричу:

- Прочь, прочь. Иди отсюда. Домой, домой...

Безумная Старуха останавливается. Она смотрит на меня отрешенным взглядом. Внезапно в ее горле рождается странный булькающий звук, сменяющийся истерическим нечеловеческим воем, и она, размахивая руками, исчезает во тьме. Я вижу грязные седые волосы у нее в подмышках.

Я возвращаюсь домой. Сегодня был неплохой день. Жертвоприношение удалось. Охота – тоже. Единственное, что меня беспокоит, - это надвигающаяся зима. Мой дом не готов к ней. Крыша изрядно прохудилась, сквозь щели в ней сочится лунный свет. Как и прошлой ночью, я ложусь спать в обнимку с ним.

Ну, ничего, думаю я, - на днях я займусь и этим.

5.

С утра светит холодное осеннее солнце. Небо чистого синего цвета с редкими мазками перистых облаков; ветра нет – и в поселке не чувствуется смрада, идущего с говнотечки. Я пребываю в приподнятом состоянии духа и думаю, что сегодня можно прогуляться.

Но сначала осматриваю Инструменты. Они в полном порядке. Нежно провожу рукой по полированному древку Карателя – мне кажется, оно излучает тепло. Осматриваю Разящую пику – нет ли зазубрин – но острое ровное – и я остаюсь доволен результатом. Трогаю мясницкие крючья – они отвечают мягким звоном. Беру в руки Душитель, натягиваю – прочный черный шнур становится похож на змею, готовую к прыжку. Ослабляю хватку, осторожно обматываю шнур вокруг горла, потом слегка развожу концы – и тотчас же чувствую смертельный захват Душителя. Да, Душитель несет Смерть.

Я иду сквозь перелесок, потом через аэродром, в обход города. Я иду к реке.

В верхушках деревьев запуталось солнце, похожее на тусклую лампочку – кажется, еще чуть-чуть и она перегорит. День достаточно теплый, но холода не за горами – это явственно чувствуется. Думай о будущем, думай о плохом – мой жизненный девиз, благодаря которому я пока еще жив.

Сегодня один из тех дней, когда я остаюсь с мыслями наедине – так я это называю. Я не буду работать, не стану охотиться, я просто буду думать. Возможно, фантазировать. Иногда я позволяю себе фантазировать. И мечтать.

За аэродромом начинается березовая роща, за ней овраг, похожий на круглую оспину на старческом лице земли. Овраг густо зарос кустами ивы. Среди них прячется узкая малоприметная тропинка. Земля после дождей скользкая, и я осторожно спускаюсь, а затем поднимаюсь по склону, балансируя, чтобы не упасть.

Сразу за оврагом начинается сосновый лес, а в нем старое кладбище. Оно уже давно заброшено, здесь никого не хоронят, а на могилы приходят редко. Большинство могил провалились, их смыло дождями, деревянные кресты прогнили и покосились.

Где-то я слышал, что человек живет, пока о нем помнят, так вот – здесь одни мертвецы. То есть позабытые. В каком-то смысле я и сам – мертвец, вот что приходит мне на ум.

Но у меня договор. И не с кем-нибудь, а с самой Старухой. Поэтому среди мертвецов я на особом положении. Я могу смеяться над ними. Я ломаю несколько старых, серых от времени крестов. Мертвецам плевать.

По пути я наступаю на могильные холмики и заваливаю ржавую оградку. Ничего предосудительного – обычные игры мертвецов. Потом выхожу на дорогу, что идет от города к кладбищу. И сразу настораживаюсь.

Шагах в двухстах от себя я вижу людей. По дороге идут старуха и молодая женщина с ребенком. Они-то что тут забыли?

Быстро спрячусь в кусты – мне не хочется, чтобы меня кто-то видел, тем более тут. Никаких лишних глаз – вот еще один мой девиз. Образ жизни, который я выбрал, сделал меня скрытным, научил жить в тени, и, в первую очередь, стать тенью самому. Так просто будешь целее, вот что скажу я вам.

Они проходят мимо, не замечая меня, и сворачивают на кладбище, а я быстро перебегаю дорогу и скрываюсь в перелеске. Отсюда до реки уже рукой подать.

Там, где я спускаюсь к реке, почти всегда пустынно, и сегодняшний день – не исключение. Это достаточно далеко от города, поэтому лишних людей здесь не бывает. На берегу у воды топорщатся острые края изломанных известняковых плит. Я спускаюсь к ним.

Над берегом нависли ветви деревьев, их тени тонут в бездонной глубине реки, по воде идут черные круги, на нее ложатся опадающие листья. Я сижу на гнилом бревне, облепленном засохшей тиной, и швыряю камни-гладыши по поверхности воды, они летят длинными скачками, а потом с тихим плеском уходят под воду. Один раз я почти

добрасываю до противоположного берега.

Я думаю о мертвецах. О своих мертвых родителях, об Одноглазом, о тех животных, которых я убил. Жестокость порождает жестокость, а Смерть – всего лишь поводыр для еще одной Смерти. Я думаю об этом.

Возможно, мне рано пришлось столкнуться с лишениями, ощутить на себе весь страх и беспощадность окружающей реальности. Возможно, я еще слишком мал для этой тяжелой ноши. Но, тем не менее, я ее несу. Я связал себя кровавыми узами не с кем-нибудь, а с самой Смертью – это серьезный выбор, дорога, с которой просто так не свернешь. Возможно, только таким образом я мог обезопасить себя. Сделаться неуязвимым для ее холодных когтистых лап.

И мои игрушки – это капли крови на пальцах, это слезы безумного мира, в котором есть Жертва и есть Охотник. Сейчас Охотник я. Но может быть и по-другому. Поэтому я должен соблюдать правила этой Игры.

Внезапно в кустах поблизости слышится какое-то шевеление – я резко поворачиваюсь, готовый ко всему. Ветки трясутся, потом раздвигаются, и из кустов выходит собака. Точнее выскакивает или как там про нее сказать – у нее нет одной лапы, и она передвигается какими-то невероятными рывками. Увидев меня, собака останавливается в замешательстве и нервно водит носом.

Я знаю, она чувствует мой запах. Запах Смерти. Животные всегда чувят его, я уже в этом не раз убеждался. Медленно встаю и делаю несколько осторожных шагов в ее направлении.

У нее слезятся глаза, шкура в какой-то слизи, на боку я вижу рваную гноящуюся рану – похоже, она побывала в серьезной переделке. Возможно, попала в такому же Охотнику как я. Хотя... – все-таки не такому, от меня Жертвы никогда не уходят живыми.

Я смотрю на эту собаку и, как ни странно, мне не хочется ее убивать. Возможно, в другой раз... – но точно не сегодня. Она не вызывает у меня никаких чувств, кроме презрения – презрения к мертвецу, которым она уже наполовину и является. Как ни крути, а ей осталось недолго – я это сразу вижу.

Собака по-прежнему настороженно глядит на меня, потом странно дергает головой и делает несколько осторожных шагов в моем направлении. Я тоже шагаю навстречу, маня ее рукой – иди ко мне. Собака медленно подходит.

Я беру ее за голову и глажу. Собака успокаивается и опускается на землю, подгибая под себя целые лапы. Четвертая торчит уродливым обрубком. Сажусь рядом с собакой на корточки.

Глажу ее, собака ластится и закрывает глаза. Рана на ее боку очень серьезная, я вижу куски гниющего мяса (мне кажется, или там копошатся белые черви?), ясно одно: она – не жилец на этом свете. И поэтому я не буду ее убивать. Она уже принадлежит Смерти, нехорошо забирать у Старухи ее добычу.

Река блестит глянцем, вода подхватывает опавшие листья и несет их вниз по течению; вода уносит всё.

Возможно, когда-нибудь я уеду отсюда. На юг, как собирался это сделать Одноглазый. Или в те края, о которых рассказывал Пилигрим. Возможно, когда-нибудь и мне повезет, как повезло сейчас этой собаке – ведь она наткнулась на настоящего Охотника, и он ее не убил.

Возможно, мои раны затянутся, а не будут гнить, как у животного в моих ногах. Возможно, когда-нибудь это произойдет. Но сейчас у меня Договор. И только благодаря тому, что я еще ни разу не нарушил его условий, я живу.

Сижу на земле, погруженный в свои мысли, собака дремлет, положив голову ко мне на колени. Солнце медленно клонится за верхушки деревьев на том берегу. Холодает. А скоро начнет смеркаться. Я смахиваю пелену грез, окутавшую меня, возвращаясь в

реальность. Понимаю, что нужно идти, возвращаться на Живодерню. Я легонько пихаю собаку.

Она нехотя открывает глаза и смотрит на меня. Я отстраняюсь и показываю ей: иди, иди прочь. Собака стоит на месте как вкопанная. Махаю ей рукой: убирайся. Животное продолжает стоять. Тогда я замахиываюсь на нее – и этот жест она понимает. Она вспоминает, с кем имеет дело. Ее притупленные болезнью инстинкты вновь возвращаются к ней. Она отскакивает на несколько шагов и застывает, глядя на меня. Возможно, она испытывает мое терпение.

Я кидаю в нее подобранной с земли палкой, палка ложится на землю в нескольких сантиметрах от нее. Собака взвизгивает и скачет к кустам. В ее движениях есть что-то жалкое и смешное. Но я не смеюсь.

Она исчезает в кустах, а я разворачиваюсь и начинаю подниматься вверх по крутому береговому склону. Мне нужно домой, на Живодерню.

Часть обратного пути я решаю совершить через городские окраины – час уже вечерний и вряд ли во дворах много народу. Так что можно проскользнуть незаметным. Солнце садится за крыши многоэтажных домов, в стеклах расплываются кровавые кляксы.

Я даже не иду, но крадусь бесшумной походкой Охотника. Я должен быть незаметен, я – просто тень, плод воображения, рожденный призрачными осенними сумерками.

Людей мне не попадается – и это хорошо. Лишь в одном из дворов в песочнице играет маленькая девочка. Вокруг нее разбросаны пластмассовые ведерки и совочки, топорчатся куличики, слепленные из песка. Она собирает букет из опавших листьев. Когда я прохожу мимо нее, она отрывает свой взгляд от букета и пристально смотрит на меня. Я смотрю ей в глаза. Она улыбается беззубым ртом и тянет букет мне.

Честно говоря, я в растерянности. Она хочет мне его подарить? Я смотрю на нее, она улыбается. Мир переворачивается с ног на голову. Мне никогда не дарили подарков. Никогда.

Словно в трансе я беру этот букет – обычные листочки, красные и желтые, немного тронутые осенним тлением. Я не знаю, что такое получать подарки. Равно как и дарить их. Со мной такое впервые. Девочка смеется.

Возможно, это вам покажется странным, но я убегаю отсюда. Внутри меня словно что-то взорвалось. Прочь, прочь отсюда.

Бегу, крепко сжимая букетик из опавших листьев, а на глаза наворачиваются слезы. Я никогда не плакал. Даже в детстве, запертый в темном чулане на несколько дней. Никогда. Со мной это тоже впервые.

Мимо проносятся блочные коробки домов, неровные силуэты деревьев, тени и сумеречные призраки. А еще листья. Одни опадающие листья кругом. Карусель моей жизни, смех маленькой девочки. Всё сливается в душащий горло ком безудержных слез. И он рвется наружу – в этот осенний вечер, в сгущающуюся темноту, в пустоту этого холодного мира.

Дорога выплескивается в поле – это старый аэродром – а я всё бегу и плачу, лицо мое обдувает ледяной ветер, который срывает мои слезы и бросает маленькими дождинками на землю.

За перелесок, скрывающий от людских глаз заброшенный поселок, садится огромное красное солнце.

6.

Сегодня я принимаюсь за починку дома. Сначала вытаскиваю с чердака всю рухлядь и скопившийся мусор, затем отдельно, очень аккуратно, мои Инструменты, и после этого осматриваю крышу. В нескольких местах крупные щели, во время дождя через них затекает вода. Мне нужны доски и резина. Я отправляюсь в поселок.

Погода нынче достаточно ясная, иногда в разрывах туч выглядывает солнце, я чувствую, что значительно похолодало. Похоже, зима уже не за горами. Значит, нужно торопиться.

Дома здесь – такие же развалюхи, как и мой. Но, как говорится, с миру по нитке. Я осматриваю их, нахожу доски, гвозди, кусок жести и камеру от автомобильного колеса. То, что надо.

Проходя мимо дома Безумной Старухи, я вижу ее на крыльце. Она стоит, немного согнувшись и облокотившись на перила, сзади нее склонился невысокий бомж с грязной бородой, штаны у него спущены, я вижу его член. Он задирает юбку Безумной Старухи и придвигается к ней. Старуха издает какой-то нечленораздельный звук.

Они начинают мелко трястись, как собаки на случке. Незнакомец склоняется ближе к Старухе, он двигается так, словно танцует какой-то танец, Старуха еле слышно завывает. Отвратительное зрелище, скажу я вам.

Быстро удаляюсь прочь. Вы, наверное, захотите спросить, а было ли у меня с девчонками это, ну вы понимаете, что? Нет, не было. И я не расстраиваюсь. У меня есть развлечения и поинтересней.

Возвращаюсь в дом. Беру молоток, который когда-то нашел в сарае, и нож – всё, что необходимо мне для ремонта. Я разрезаю камеру на узкие полосы резины, беру жесть, доски и поднимаюсь на чердак.

Первым делом принимаюсь за самые большие щели. Я заколачиваю их досками, а поверху пускаю резину и жесть. На всякий случай изнутри еще приделываю картон – его у меня на чердаке навалом. Затем берусь за щели поменьше, заделываю их тем, что осталось. Из прогнивших досок выползают маленькие жучки и муравьи, на неровной поверхности крупными каплями выступает впитавшаяся вода.

Закончив со щелями в крыше, я принимаюсь за окна. Я заколачиваю их наглухо, утепляю кусками поролона, найденного на свалке, и мхом. Получается довольно криво, но как по мне – и так сойдет. Пейзажами я всё равно любоваться не собираюсь.

В самом конце ремонтирую пол. Он местами просел и грозит обвалиться вниз. Я укрепляю его, как могу, – досками и жестью. Лучшего здесь уже не придумаешь.

Через пару часов с чердаком покончено. Напоследок я сколачиваю себе новую лежанку, убираюсь – и мое жилище приобретает новый вид. Теперь здесь можно зимовать.

Конечно, в морозы я, бывает, очень сильно мерзну, но здесь в любом случае лучше, чем на улице. От холода меня обычно спасает костер, я не гашу его почти никогда. Рядом с ним складываю большие камни, которые приношу из сада, – они впитывают тепло и потом еще долго его хранят.

Следующим делом я возвращаю на место мои Инструменты, за исключением Карателя, и спускаюсь вниз. Я убираюсь и здесь, а заодно охочусь на крыс. В этом мне помогает Каратель. За время уборки я убиваю двух, головы им откручиваю руками. Я слышу, как с легким треском лопаются их позвоночники.

Внизу я тоже заколачиваю все окна, щели между досок заделываю картоном. Убираю листья, залетевшие в дом, их оказывается огромная куча – я вытаскиваю ее во двор и поджигаю. Серый горький дым ползет в сад.

Я подкидываю в огонь палок и сжигаю в костре обезглавленные трупы пойманных мною крыс. К запаху дыма примешивается запах горелой шерсти и мяса. Трупы сжимаются и чернеют, потом вспыхивают – и уже через несколько минут от них ничего не остается, ветер подхватывает серый пепел и швыряет в меня.

Беру Каратель и иду в дом. Скоро у меня есть еще пара обезглавленных крысиных

трупов. Их ждет та же участь, что и их предшественников.

Я подкидываю сухих веток в костер и выношу из дома всё гнилье и рухлядь – чтобы сжечь. Пламя поднимается высокое и горячее.

Вскидываю Каратель над головой и начинаю скакать вокруг костра. Да здравствует Великий Вождь! Да здравствует Бесстрашный Охотник! Да здравствует Безжалостный Живодер!

Я пляшу как неистовый. Мне в спину смотрит частокол из крысиных голов. Ура! Ура! Ура! Всем вам конец, пришел Смерти гонец!

Жгу костер до самого вечера. Сумерки падают на брошенный поселок темной громадой, воздух словно густеет, из черных проемов окон смотрит пугающая неизвестность. Ветер разогнал тучи, и ночь сегодня будет ясной. Одна за другой звезды зажигаются на небосводе, маленькие, словно крысиные глазки; щурясь, они смотрят в этот земной мир, полный страха и отчаяния. Они чувствуют каждую боль на земле.

Затемно я возвращаюсь в дом. И сразу понимаю, что здесь кто-то есть. Вскидываю Каратель, он хищно ощеривается своим ржавым зубом, готовый кусать и рвать плоть. Но из темноты выступает фигура. Это Пилигрим. Он вернулся.

Мы смотрим друг на друга с полминуты. Его глаза прячутся в складках морщин, они тусклы, но мне кажется, что Пилигриму стоит лишь захотеть, и в них блеснет огонь. Пилигрим первым начинает разговор.

- Здравствуй.

Опустив Каратель, я отвечаю:

- Здравствуйте. Решили вернуться?

- Как будет Богу угодно. Пути его неисповедимы. Куда уж мне, грешной душе... – он разводит руками. – Всё решает Бог, а мы лишь выполняем его указания. – Пилигрим смотрит вверх, но потом переводит взгляд на меня. – А ты как поживаешь?

- Ничего.

- Скоро зима... - при этих словах Пилигрим вздыхает.

- Да, я знаю, я к ней подготовился.

- Никто не знает, что будет. Никому не дано знать...

- Но я знаю, я уверен – все-таки уже здесь не первую зиму...

Пилигрим сцепляет пальцы и кладет их на живот.

- Никто не может быть уверен. Зима будет холодной, очень холодной. А ты совсем ребенок...

- Неправда! Никакой я не ребенок, я могу о себе позаботиться. Зима мне не страшна.

- Знаю, - опять вздыхает Пилигрим, - этот мир проклят, если дети в нем обречены на такое существование.

- Я – не ребенок, - продолжаю настаивать я, - и мне нравится моя жизнь.

- Ну, ну... А как твои животные? – вдруг спрашивает Пилигрим.

Неожиданный вопрос. Мне совсем не хочется, чтобы кто-то знал про мои эксперименты, даже Пилигрим.

- Какие животные? – пытаюсь отвертеться я.

- Те, которых ты держишь в сарае.

Черт, откуда он знает? Никто не должен знать о Живодерне. Это мой секрет.

- Не удивляйся, я знаю многое. Зачем ты их мучаешь?

- Я их не мучаю.

- Ты лжешь мне, а ложь – это грех. Нельзя грешить. Скажи лучше правду.

- Я их не мучаю...

- Человек не должен причинять боль другим живым существам, будь то зверь или птица, рыба или насекомое...

Да что он знает? Что он знает о боли? Или о ненависти. Или о служении Смерти.

Пилигрим же продолжает:

- Я знаю, это не твоя вина. Плохие люди научили тебя этому, это они поселили в твоей душе жестокость. Но ты не должен быть таким. Ты должен уметь прощать.

- Я не умею прощать...

- Ты должен научиться.

- Нет, не должен.

- Путь, на который ты ступил, ведет во тьму.

- Пусть так. Я люблю тьму. Она дала мне то, чего не дали другие.

- Ты не прав и ты в этом убедишься.

Мои нервы на пределе. Старик лезет туда, куда ему лезть не следует.

- Черт побери, я сам знаю, что можно, а что нельзя. И я прав!

- Не чертыхайся. Господь тебе судья. Но ты еще вспомнишь мои слова.

Пилигрим расцепляет пальцы и идет мимо меня. Он выходит из дома. Я иду следом. Он быстро удаляется по дороге, я провожаю его взглядом.

Нет, это я прав. Его бог не дал мне ничего, совсем ничего. Наоборот, он всегда лишь забирал то небольшое, что у меня когда-либо появлялось.

А вот Смерть действительно научила меня многому, из ничтожного червя она превратила меня в настоящего хищника. А быть хищником гораздо лучше этого сраного смирения, проповедуемого святошами, разве я не прав?

В небо из-за верхушки леса выползает огромная луна. Ночь – самое лучшее время для убийства. Да, да, я решил – надо кого-нибудь убить.

Слова Пилигрима что ли так на меня подействовали? Не знаю. Этот бог – вонючий ублюдок, плевать я на него хотел.

Беру Инструменты и иду на Живодерню. Нет никакого бога, и я сейчас вам это докажу. Нет, и никогда не было. Или я – не я.

У стены по-прежнему болтаются обезглавленные трупы моих жертв. Вокруг них летают мухи. Я вижу, как в почерневшей плоти ковыряются белесые черви, их много, они пожирают мертвецов. Еще я ощущаю достаточно сильный запах разложения. Запах Смерти.

Я вытаскиваю из клеток двух кошек и для начала обрубаю им хвосты Большим Ножом. Они верещат и дергаются, но я их не отпускаю. Пусть орут громче, пусть бог их услышит, если он есть. И посмотрим, что он на это скажет.

Одну я подвешиваю у стены, рядом с трупами, продев крюк сквозь кожу на загривке. По ржавому крюку течет кровь. Кошка дергается и орет. Я заживо вспариваю ей брюхо, из него выползают внутренности. Кошка в агонии дергает лапами, и кишки выползают всё больше.

Вторую я обливаю бензином – он у меня специально припасен для маленьких Игр с Огнем. Потом отпускаю, кошка дает деру. Но еще раньше я бросаю в нее зажженную спичку.

Нет картины смешней, чем горящая кошка, мечущаяся с дикими криками по саду. Правда, мечется она недолго – через минуту падает и замирает. Я вижу лишь, как судорожно подергиваются ее лапы, но скоро и они застывают навсегда.

Подхожу и осматриваю ее. Труп еще дымится, я чувствую запах паленой шерсти и горелого мяса.

Возвращаюсь к первой. Та всё еще шевелится, дергая лапами, на которые наматываются ее кишки. Ну что, Пилигрим, видишь – нет никакого бога! Ему плевать на этих тварей. Так же, как и на меня.

Добиваю кошку Разящей Пикой и возвращаюсь в дом. Уже достаточно поздно и пора спать. За сегодня сделано многое. По крайней мере, я могу быть уверен, что дом готов к зиме, а это мое единственное укрытие от надвигающихся холодов.

Я засыпаю, думая о боге. Какое глупое слово! Ведь его нет. Нет, черт побери! С чего вы взяли, что он есть? Скажите мне. Я слушаю. Чего молчите?

Я скажу вам. Его нет. Нет. Нет! Не-е-е-т!
Зато есть Страх. Есть Боль. Есть Ненависть. Есть Смерть. Это-то вы, надеюсь, поняли?
Или зачем я вам всё это рассказываю уже который день?
За этими мыслями сон настигает меня.

7.

Мне снится, будто я нахожусь в длинном коридоре, в котором много дверей. Я иду по нему, но мне навстречу никто не попадает. Пытаюсь открыть ближайшую дверь, но та неподвижна. Я пробую открыть другую, третью – безрезультатно. Все двери заперты.

Иду дальше. Внезапно за одной из дверей слышу детские голоса. Я подхожу к ней и прислушиваюсь – точно, я не ошибся, там кто-то есть. С усилием дергаю за ручку, и дверь поддается. Я открываю ее и вхожу.

Я оказываюсь в небольшой комнате, вроде тех, в которых мы спали в детдоме. Правда, в ней нет никакой мебели, кроме большого шкафа. На шкафу горит свечка, она дает очень слабый свет, но всё же я могу кое-что видеть.

В центре комнаты стоят дети в одинаковой форме, вроде детдомовской, они держатся за руки и говорят:

*Раз, два, три, четыре, пять,
Мы идем убивать...
Пока взрослые все спят,
Мы убьем милых ягнят...*

И так несколько раз. Это похоже на считалку. Еще я вижу ножи в руках у некоторых детей. Вот это по мне.

Они повторяют свою присказку очень долго, я же осматриваю комнату. В ней действительно нет ничего кроме шкафа. Этот шкаф огромный, сколоченный из массивных досок, черного цвета – при свете свечи он выглядит зловещим. Мне кажется, что в шкафу кто-то есть. Я подхожу к нему поближе и осторожно приотворяю дверь.

Так и есть. Внутри сидит связанный мальчик, я вижу, что он плачет, но самого плача не слышу. Только слезы бесшумно текут по его лицу. Интересно, что он тут делает?

Вдруг из группы детей выходит ребенок и направляется ко мне. Когда он подходит, я вижу, что это девочка лет пяти, не больше. Она смотрит мне в глаза и говорит:

*Пока мы спали,
Все ягнята убежали...*

И всё. Всё, что она говорит. Я ничего не понимаю. Она вытягивает тонкую ручку и показывает мне на дверь. Я понимаю, что мне нужно идти. Инстинктивно следую ее указанию и движусь к двери. Но кто же этот мальчик?

Я оборачиваюсь и вижу, как свечка на шкафу внезапно падает и шкаф загорается. Да что там шкаф, загорается вся комната! Я бегу к двери, открываю ее, и меня захлестывает темнота...

Они убежали!!! Точнее, кто-то их выпустил. Всех до одного, никого не осталось.

Кого, спросите вы? Кого-кого, животных!!! Кто-то разорил мою Живодерню. Я пришел с утра, а клетки оказались открыты, и никого из моих жертв в них не оказалось.

Черт побери, я готов был убить! Того, кто это сделал, кем бы он ни был. Моя Живодерня! Мой Храм, всё, что у меня было, - был опустошен. Это был удар ниже пояса. И я не собирался этого спускать.

Достав из-за пазухи Большой Нож и перехватив поудобней Каратель, я решил всё внимательно осмотреть.

Замки были сбиты, двери клеток покорежены, из них воняло мочой и гнилой соломой. На полу в мягкой податливой глине были смазанные следы. Я с первого взгляда понял, что мужские. Так кто же это сделал? Неужели Пилигрим? Черт, он не мог. Или мог?..

Внезапно сзади скрипнула дверь. Я машинально обернулся. На пороге стоял тот самый бомж, которого я вчера видел на крыльце у Безумной Старухи. На лице его застыла неприятная ухмылка. Я сразу всё понял. Вот ведь гад, так это он! Это он их выпустил!

- Ну что, сучонок, убежали твои зверушки, - проскрипел бомж своей сиплой глоткой, - нет больше их... - И он заржал. – Ха-ха-ха-ха-ха!

Черт! Черт! Черт! Он еще и посмел смеяться надо мной! Он, причинивший мне такую боль! Разоривший мою Живодерню! Укравший всё, что у меня было!

В моем сердце вспыхнул беспощадный огонь ненависти. Ненависти, которой я так усердно учился. Не знаю, что думал этот бомж, но я-то знал, что теперь он обречен. Я пристально смотрел на своего врага.

- Что, блядь, нет зверушек? Ха-ха-ха. Нет, нет и еще раз нет. – Он ухмыльнулся, довольный собой, - Убежали. Оставили гаденыша одного. Ну, да ладно, гаденыш поплачет – и пройдет. Ха-ха-ха. Хотя нет. Он будет долго плакать. Потому что будет долго помнить меня, помнить, как ему было больно... – И он медленно двинулся ко мне, его ладони были сжаты в кулаки.

По правде говоря, я только этого и ждал. Я крепче сжал Большой Нож и выкинул перед собой Каратель. Незнакомец остановился, сделав лишь шаг в моем направлении, увидел мое оружие и снова ухмыльнулся. Так, как будто не боялся меня. Меня, бесстрашного Охотника и хладнокровного Убийцу.

Зря он это сделал. Так или иначе, но теперь пришла моя очередь действовать.

И я подобно стремительной хищной птице рванул на него. Противник попытался занести кулак для удара, но это было всё, что он успел сделать. Потому что в следующую секунду его лицо исказила гримаса боли – Каратель ударил точно в глаз, разрывая ржавым гвоздем мягкие ткани. Он никогда не знал промаха. Ведь его направляла рука Великого Охотника, любимца самой Смерти.

Мой обидчик застыл, явно ошеломленный произошедшим, ноги его подкосились – он неуклюже пошатнулся, взмахнув руками, затем взвыл и схватился за древко Карателя, намереваясь вытащить орудие из покалеченной глазницы. По лицу бомжа широкой алой полосой хлынула кровь.

Но он ничего не успел – Большой Нож вошел ему в живот, заставив согнуться пополам, ноги бродяги заскользили в грязи на полу. Я быстро выдернул нож и ударил еще раз чуть ниже, в пах. Он издал душераздирающий крик и стал медленно оседать. Каратель по-прежнему торчал из его глазницы.

Бомж повалился вперед, и Каратель уперся в пол, я видел, как острие принялось погружаться всё глубже и глубже в глазницу. Он захрипел, изо рта хлынула кровь. Она была темная и густая, она пузырилась на его обветренных губах и мешалась со слюной. Его лицо перекосило от боли.

- Это тебе за Живодерню... И за меня! – И я ударил бродягу ножом в горло. Он снова захрипел и задергался, но хрип быстро перешел в какое-то бульканье и начал затихать, вместе с ним начал затихать и бомж. Это была чистая победа. Моя победа.

Поверженный противник еще с минуту бился в предсмертной агонии, а потом замер. Уже навсегда. Я отомстил – и был горд собой. Я сумел постоять за себя и за свои чувства. Я вытащил Каратель и перевернул тело на спину.

Я стоял над поверженным обидчиком, тяжело дыша. Из глубокой раны на шее до сих пор струилась кровь, но поток медленно иссякал. Единственный уцелевший глаз мертвеца, подернутый пеленой, невидяще смотрел в потолок, другой превратился в темно-бурое месиво из крови и слизи. На подбородке тоже застыла кровь.

Он был невысокий, худой, его лицо осунулось и потемнело от пьянства, оно сильно походило на гнилой помидор. В грязных свалывшихся волосах торчали кусочки мелкой стружки, подбородок густо покрывала седая жесткая щетина.

Сейчас, мертвый, он был настолько беспомощен и нелеп, что я даже почувствовал некое

подобие жалости по отношению к нему...

Стоп! Стоп! Стоп! Я сказал «жалость»? Какая ерунда! Нет уж, никакой жалости! Никакой жалости к моим врагам! И я пнул поверженное тело со всей силы ногой – никакой жалости, никаких чувств.

Потом я плюнул в лицо трупа. Я вскинул над головой Каратель и начал выплясывать танец победителя. Я скакал вокруг тела и кричал. Нет, даже не кричал – это был жуткий набор звуков, вырывающихся из моего рта, он напоминал скорее языческое заклинание. Это и было заклинание. Заклинание во славу Смерти.

Я бесился минут пять. Я имел на это право. Потому что я был живой, а он – мертвый. Это-то и отличало нас. Победитель в игре со Смертью получал всё. Проигравший – ничего. А сегодня победителем вновь был я.

Станцевав свой танец, я опустился перед трупом на колени. Достал Большой Нож. Нельзя было оставлять труп здесь. И я знал, куда его деть. Но для этого нужно было его разделать – тащить тело целиком я не собирался.

Я аккуратно отрезал голову от туловища, это я прекрасно умел делать. Покрутил ее в руках и положил на пол. Потом нужно было отделить руки и ноги – для этого требовался топор. Я сходил за ним в дом и вернулся на Живодерню.

Отрубив руки и ноги, я вспорол живот трупа ножом и вытащил внутренности. Они были склизкие и воняли, от них шел слабый пар.

Затем я взял два мешка и распихал все отделенные части в них. Внутренности я кинул в кусты рядом с Живодерней, тотчас же на них накнулись вороны. Я видел, как они хватили острыми клювами зеленые кишки и рвали их на части, потом заглатывали оторванные куски целиком.

У вас это, конечно же, вызвало бы отвращение, но мне такое зрелище определенно нравилось. Их пирушка была в каком-то смысле очень даже красивой – она являла собой бурное торжество Смерти. Вороны рвали внутренности и дрались из-за самых лакомых кусков, а я забавлялся, глядя на них. Знаете, они были чем-то похожи на вас. И не смейте отрицать, они точно были похожи – уж я-то знаю.

Теперь оставалось лишь дождаться темноты, чтобы спокойно уничтожить останки. Не то что бы я боялся того, что его будут искать, – безродный бомж, считай, и не человек, вряд ли кто-то о нем даже вспомнит, – просто я не хотел привлекать к себе лишнего внимания. Сами видите, что из этого вышло. Существование Живодерни было тайной и должно было оставаться ей. Как и мое собственное существование.

Я пошел в дом. Проходя мимо ворон, поедающих внутренности, швырнул в них камнем. Вороны сорвались с места и отлетели в сторону метров на десять, недовольно каркая на меня за то, что оторвал их от трапезы. Но стоило мне отойти шагов на пять, как они тотчас же вернулись назад и вновь принялись за свое дело.

В доме я отмыл Большой Нож и Каратель от крови. Потом достал точильный камень, некогда найденный в сарае, и принялся точить нож. Я любил это делать. Мне доставляло удовольствие смотреть, как сталь, ходя по камню, становится тоньше и острее, а значит, еще опаснее для моих будущих жертв.

Наточив нож, я убираю Инструменты на чердак. В желудке у меня начинает урчать, я чувствую, что сейчас съел бы слона. Конечно, я могу не есть по несколько дней – жизнь приучила меня и к этому – но всё же иногда надо чем-нибудь набивать желудок, чтобы поддерживать силы. Силы, которые так нужны мне, чтобы выжить. Я решаю сходить в город – попытать счастья. Тем более, до наступления темноты еще вагон времени.

Как и прежде, иду через речку, через перелесок и поле бывшего аэродрома, в общем, знакомой вам уже тропой. Потом дворами, лишь иногда пересекая улицы.

По правде говоря, люди не особо обращают на меня внимание. Точнее, я бы сказал, не хотят обращать. Оборванный подросток в грязной одежде – явно бездомный – скорее мозолит им глаза, чем доставляет удовольствие. Но мне плевать. Я всё равно стараюсь

быть незаметным. Главное – не попадаться на глаза ментам.

Я захожу в магазины, околачиваюсь в очередях, среди толкучки людей, потихоньку набивая карманы едой и денежной мелочью. Я очень умелый вор. Детдомовская школа – там без этого никак. Если бы я не стал убийцей, я был бы вором, точно говорю.

В конце концов, возвращаюсь домой с кучей еды. По дороге нахожу недоеденный пирожок в урне возле ларька с выпечкой. Это для вас есть из помойки – табу, а я за счет этого до сих пор и жив. Поэтому я съедаю его, даже не поморщившись. Очень вкусный пирожок.

Домой прихожу как раз тогда, когда тяжелые осенние сумерки ложатся на перелесок и речку, сгущаясь длинными тенями от деревьев, похожими на кровожадных чудовищ; темнота ползет в брошенный поселок, проникая в дома через грубые проломы окон и выбитых или сгнивших дверей.

Дома я быстро ем, потом прихватываю моток веревки и иду на Живодерню. Там я завязываю мешки. Потом беру один из них и вытаскиваю на улицу. Перехожу через говнотечку по ржавым рельсам и иду сквозь перелесок. Я держу свой путь в сторону очистных сооружений.

Там есть такие бассейны, в которых плавает дерьмо, - его там перерабатывают или что-то вроде того. Так вот если туда скинуть мешок с останками человека или даже живого человека, его никто и никогда не найдет, точно говорю. Я пробовал там топить трупы животных – и ни один даже не всплыл. Говно их засосало и погребло в своей вонючей массе навсегда.

Я прохожу мимо полей фильтрации – сюда сбрасывают переработанное говно и оно, типа, превращается в плодородную землю или что-то вроде того, не знаю точно. Но воняет от них – о-го-го! Я стараюсь дышать ртом.

Сразу за ними начинаются ангары и строения очистных сооружений. Сюда стекается говно со всего города, а также отходы с химического завода. Мрачное, в общем, местечко.

С краю темнеют прямоугольники тех самых бассейнов, про которые я вам рассказывал. Я осторожно подхожу к ним и сбрасываю мешок в самый первый. Дерьмо принимает его почти беззвучно, я слышу лишь тихий чавкающий звук, с которым мешок погружается на дно.

Потом я проделываю обратный путь. Беру второй мешок – и снова на очистные сооружения. Так же, как и первый, я сбрасываю его в бассейн с говном.

Внезапно позади себя я слышу окрик:

- Эй, кто там? Что ты там делаешь?

Черт, сторож! Пригнувшись, я перебегаю за ближайший ангар, потом тихо движусь к перелеску, прячась за грудками мусора и металлолома, наваленными здесь где ни попадя. Сторожа не видать.

Очутившись, наконец, под покровом деревьев, я чувствую себя в безопасности. Теперь уж меня не поймают. А и поймают даже – мешки с останками из говна уже вряд ли вытасишь. Да и тот факт, что это именно я там был, ведь еще доказать надо.

Короче, от трупа я избавился и могу спокойно идти домой. Сегодня был непростой день, я многое пережил, но завтра мне предстоит много дел: нужно заново заселить Живодерню.

С этими мыслями я возвращаюсь в поселок. Мимо меня пронесется Безумная Старуха, завывая какую-то понятную только ей песню. Может, ищет своего случайного любовника. Хотя вряд ли она его даже помнит. Да и чего его искать? Люди в заброшенном поселке пропадают так же внезапно, как и появляются.

Мой дом холоден и пуст. Я устал. Устал от всего. Пусть мне даже четырнадцать лет, но я устал. Да, конечно, вы меня не поймете. Но я устал.

Я устал от разговоров с вами. У вас своя жизнь. Жизнь, полная своих проблем и неурядиц, жизнь, как вы считаете, полная красоты и гармонии. У меня – своя. Жизнь,

полная жестокости и ненависти, жизнь, полная безумия и зла. Может быть, полная безумия и зла. Может быть, разума и чистоты. Кто знает?

Мне всего лишь четырнадцать. Я не хочу думать о своем предназначении. Скажу вам одно: я не был рожден для зла, но я жил с ним; возможно, я сам стал злом, но это не важно. Не нужно меня жалеть. Да, ни в коем случае не нужно меня жалеть! Иначе вы сами станете моими жертвами. Я, между прочим, даже не угрожаю...

И не нужно меня ненавидеть...

Стоп! Стоп! Стоп! Хотя стоит это сделать, ведь без ненависти не будет меня. Пока вы меня ненавидите, я и живу. Ведь я ненавижу вас. Наша обоюдная ненависть и дает нам пищу для существования. Без вас не было бы меня, но и вы бы давно протухли без таких, как я. Может, я вам только для того и рассказываю всё это, чтобы вы наконец поняли, что мы – одно целое. Какое бы оно ни было...

Хотя... Вряд ли вы согласитесь с тем, что я такой же, как вы. Поверьте, дураки, я в этом и не сомневался. Вы отвергли меня, я отвергаю вас. Зуб за зуб, глаза за глаз. Как вам расклад?

Короче, я достаточно зол и устал, чтобы объяснять вам что-то. Я прихожу домой и ложусь спать. Я уверен, что вам очень интересно, что же мне снится на этот раз. Простите великодушно, но я вам об этом не расскажу.

8.

У меня уходит два дня на то, чтобы разыскать сбежавших животных. Я рыскаю по округе, выслеживая их по следам, по ключьям шерсти, оставленным на ветках кустов, по кучкам кала, которые я нахожу в поселке и перелеске. Я выслеживаю их по запаху. В этом плане я не уступаю им. Может, я даже превзошел многих животных в деле распознавания запахов, кто знает.

Иногда я забредаю в город и здесь нахожу новых жертв. Два дня толком даже не ем. Я упорно иду по следу. Нахожу их почти всех. При виде меня звери даже не пытаются убежать – да это и нереально. Они послушно бегут к своему хозяину. Чтобы понести свое наказание.

Один раз я сталкиваюсь с людьми. Как раз тогда, когда вылавливаю еще одну собачку из утерянной коллекции. Какая-то бабка начинает кричать:

- Ты что творишь, живодер? А ну-ка отпусти ее немедленно!

Вот еще. Они мои и только мои, и отпускать их я не собираюсь. Ни при каких раскладах. Я связываю собаку и кидаю в мешок. Бабка не унимается, она начинает кричать еще громче и звать на помощь.

Ко мне бегут два мужика. Поворот неожиданный, но я готов к схватке. Правда, с добычей, видимо, все-таки придется расстаться. Я отпускаю мешок.

Когда мужики подбегают ко мне, я сразу бью первому из них ногой по яйцам и дергаю оттуда. Но моя уверенность подводит меня – второй меня настигает. Он сбивает меня с ног и тут же подбегает первый. Они начинают молотить меня ногами по голове и по ребрам, они бьют со всей силы, стараясь если не убить, то хотя бы покалечить. Из-за какой-то собачки.

Еле поднимаюсь потом. Харкая кровью. И сплевываю выбитый зуб. Но даже это меня не останавливает. Я начинаю охотиться после наступления сумерек, под покровом темноты. Больше мне не мешают, и на исходе второго дня все клетки на Живодерне заполнены. Что ж прекрасно! Отличная работа.

Я решаю принести большую жертву. Потому что больше не хочу, чтобы Смерть наказывала меня. А события предыдущих дней – не что иное, как Наказание. Я это точно знаю. Я перестал быть осторожен. И поплатился за это.

Осень уже на исходе, ноябрь дышит ледяным дыханием и поливает мелким холодным дождем. Деревья стоят голые, словно кто-то беспощадно ободрал их лиственную шкуру заживо. В поселке пустынно, впрочем, как и всегда.

По утрам лужи покрыты тонкой, но прочной коркой льда, лишь только вода в речке-говнотечке не застывает никогда – но там одни сплошные химикалии. Короче, зима уже совсем близко. Я понимаю, что настанут трудные времена, мне это уже хорошо известно по опыту прошлых лет. Поэтому жертва очень важна, без нее просто никак.

Я заполняю все клетки и отлавливаю еще четырех животных – их я и собираюсь принести в жертву. Они очень не хотят умирать, одна собака даже кусает меня за руку – за что получает сильный пинок и удар Разящей Пикой, но так, чтобы не убить, а лишь немного покалечить – жертва не должна умереть до священного обряда.

Приволакиваю их всех на Живодерню и, предварительно связав, бросаю в грязный угол. В последние дни я очень, очень зол. Я просто весь пропитан злостью. Я чуть не лишился своего единственного развлечения, да и возврат его дался мне непросто. Один выбитый зуб чего только стоит.

В общем, ни пощады, ни жалости им от меня ждать не приходится. Я не дам шанса никому. Потому что у меня уговор. Со Смертью. А она меня уже один раз наказала. И повторения всего этого мне не хочется.

Я втыкаю в землю вокруг Живодерни толстые палки, заостренные на конце. Иду в дом за Инструментами. Вернувшись, выволакиваю своих жертв из сарая.

Я не даю им никакого шанса улизнуть, как обычно. Убиваю моментально, даже не развязывая. Кромсаю их плоть, рву шкуры, вгрызаюсь в их уже остывающие тела и пью кровь. А потом насаживаю на колы вокруг Живодерни.

И даже этого мне мало. Я вытаскиваю еще двух зверюшек из их клеток – ничего, поймаю и других. Их я сжигаю заживо. Они мечутся в грязи, воняя гарью, издавая дикий вой, я гонюсь за ними и бью Карателем, ногами, добиваю Разящей Пикой.

Я – сама воплощенная Мечь, Мечь всеокрушающая и не знающая преград. Никакой жалости! Только жестокость! Бесконечная Жестокость!

Смерть всем! Смерть каждому живому, никакой пощады раненым! Я сам никогда не ждал ни от кого сострадания, и жертвам своим теперь спуску давать не собираюсь. Зуб за зуб, глаз за глаз. Хей-хо!

Приканчиваю жертв и никак не могу остановиться. Я бегу к дому, обливаю бензином шести с насаженными на них крысиными головами и поджигаю. Я скачу вокруг них, улюлюкая и беснуясь, смотрю, как пламя пожирает эти уже сморщенные и полуразложившиеся головки. Я кричу во всю глотку:

- Да здравствует Жестокость! Да здравствует Смерть!

Вспоминаю, как прикончил своих ублюдков-родителей, и я вижу – честное слово, вижу наяву – будто это их тела полыхают на шестах, будто это полыхают тела всех вас, каждого из вас, всех, кто меня сейчас слышит. И это с вами сделал я!

Я! Я, и никто другой.

Это момент моего триумфа. Моего торжества. Черт, да ведь это же я сейчас прервал несколько жизней исключительно ради собственного удовольствия. И во славу Смерти. Во славу моей ненависти к вам.

Я нахожусь в состоянии эйфории долго, очень долго. Я испытываю всю силу своих усердно подавляемых чувств. Всю силу моих чувств. Но я вам об этом не расскажу.

Потом я, наконец, успокаиваюсь. Точнее, успокаиваюсь лишь тогда, когда все шести сгорают дотла и пепел от них ложится на землю, в грязь и клочья сохлой травы. И успокаиваюсь я не сразу. Еще долго мое сердце бешено колотится в груди. Я убил их всех! Я это сделал.

Собираю Инструменты, раскиданные в экстазе по сторонам. Бережно чищу их и убираю на чердак. Сегодня большой день – пусть Смерть видит, что ее преданный слуга по-прежнему прекрасно ей служит.

В эйфории от проделанной работы не замечаю, как наступают сумерки. Они спускаются медленно, темнота сначала сгущается в низинах, среди деревьев, потом ползет на поселок со стороны речки-говнотечки, ветер несет ее едкий ядовитый запах, от которого меня начинает подташнивать. А потом вдруг внезапно становится темно, словно кто-то сверху скинул на заброшенный поселок огромную черную тряпку. Небо сегодня мутно-серого цвета от плотных туч, луны нет, воздух словно пропитан холодом. В такие ночи совершаются самые кровавые убийства.

Немного придя в себя, я иду во двор за водой, всё еще радостный. С собой у меня только Большой Нож – мой верный спутник. Ему я доверяю больше, чем людям. Он, по крайней мере, всегда знает свое дело и никогда не говорит лишнего.

Останавливаюсь у колодца и беру ржавое ведро. Внезапно кто-то кладет руку мне на плечо. Я инстинктивно разворачиваюсь, высвобождая плечо, - еще детдомовская привычка – и тянусь к ножу, готовясь к атаке. Но это Пилигрим. Я убираю руку с рукояти ножа.

Пилигрим смотрит на меня, в темноте он кажется большим темным привидением, я вижу лишь его глаза, которые, несмотря на отрешенный взгляд, горят непонятной мне силой. Он здорово меня напугал. Но Пилигрим мне не враг.

Внезапно он говорит, даже не здороваясь со мной:

- Ты очень плохо поступил, хуже некуда. Ты убил человека. А потом устроил этот

дурацкий карнавал.

Я не знаю, что такое карнавал. Но я знаю, что ему известно о совершенном мной убийстве. Значит, он следит за мной. Понимаю, что врать смысла нет.

- Я убил его за дело.

Пилигрим смотрит на меня, не моргая. Мои глаза уже привыкли к темноте, и я вижу, что лицо его похоже на каменную маску.

- За то, что он выпустил на волю замученных тобою животных?

Какая ерунда! Да что он понимает! Живодерня для меня – всё, и я не собираюсь спускать каждому, кто пытается отнять у меня последнее.

- Это были мои животные. Мои и только мои.

- Не твои. И ты их мучил. А потом убил человека, который пытался им помочь...

Вообще-то он пытался убить меня или я что-то неправильно понял?

- Всё это ерунда, - говорю я.

- Это не ерунда. Это отвратительно. Убийство. Твоя жесткость.

Отвратительно? Отвращение у меня вызывают лишь подобные слова.

Жестокость? Да я уже убил четверых людишек и, если надо, убью еще. Это мое право. Только так я могу защитить себя, сделаться неуязвимым для этого проклятущего мира. Нет, уж кто бы что ни говорил, а за жестокость меня попрекать никак нельзя. Или вы согласны с ним, мерзкие ублюдки?

- Ты понесешь за это наказание, - в голосе Пилигрима я чувствую сталь.

- Мне плевать.

Пилигрим по-прежнему смотрит на меня в упор и мне становится не по себе от его взгляда.

- Ты выбрал неправильный путь.

Что? Какой еще такой путь? Можно подумать, меня кто-то спрашивал при выборе.

- Я могу убить и тебя.

- Я знаю. Но ты этого не сделаешь. Бог не прощает таких вещей.

Это я никогда не прощаю, а богу давным-давно на всех плевать со своих небес.

- Твой бог – эгоистичный ублюдок, которому начхать и на меня, и на тебя.

- Не богохульствуй. Он слышит.

Слышит - как же!

- Слышит, да? А что он скажет на это? - И я начинаю кричать во всю глотку: «Бог-мудак, собачье дерьмо, сгусток блевотины! Самовлюбленный ублюдок! Тебе плевать на меня, а мне плевать на тебя!»

Зуб за зуб - мое главное правило.

Пилигрим, стоявший до этого недвижимо, внезапно хватает меня за грудки. Я чувствую его тяжелую руку.

- Прекрати немедленно, - говорит мне он.

Я и не думаю. Улюлюкая, я закидываю голову кверху и продолжаю: «Мудила! Говно! Недоношенный урод!»

И тогда Пилигрим хватает меня сильнее и почти поднимает над землей...

Я это ненавижу. Опять же – еще с детдомовских времен. Так делали старшие пацаны, которые были сильнее нас, малолеток. Они обычно находили какой-нибудь крюк высоко над землей и вешали нас на него за воротник. Чтобы слезть с крюка, приходилось вертеться и биться, как рыбина, выброшенная на берег. Слезали обычно с порванными воротниками и все в царапинах и ссадинах. За воротники получали оплеухи от воспитателей. Но никто никого никогда не выдавал. Детдомовский закон – молчание. Я бы сказал, что это универсальный закон выживания.

...И на меня нападает ярость. Воспоминания цветным калейдоскопом проносятся перед глазами. Я это ненавижу, я же сказал. Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу!

Выхватываю нож и бью наугад, но, судя по тому, как легко входит лезвие в плоть,

попадаю в живот. Рука, только что крепко державшая меня, обмякает, я бью снова - туда же, потом чуть выше. Пилигрим отпускает меня и начинает заваливаться. В горле у него булькает и хрипит. Но меня уже ничто не остановит.

Я наношу удары машинально, не глядя, в слепой ярости. Перед глазами пелена, чувствую, что в горле пересохло, но рука всё несется и несется по уже знакомой ей траектории. Минуты три я просто бью, мозг мой пуст, ни одной мысли, только убивать, убивать, убивать!

Внезапно пелена спадает с глаз, я чувствую, что они мокрые от слез – опять, черт побери. Я тяжело дышу, пытаюсь сглотнуть, но слюна слишком вязкая и встает комом в пересохшем горле.

Передо мной в грязи, среди палой листвы лежит Пилигрим. Или то, что от него осталось. Я превратил его в кучу окровавленного мяса. Живот вспорот, из него лезут склизкие кишки. Меня тошнит, я падаю на колени и блюю прямо на труп, перепачканный грязью, мяса руками блевотину и кровь, медленно вытекающую из мертвого тела старика.

Я убил Пилигрима. Это моя слепая ярость. Это мое очередное убийство.

Первое убийство, которого я не желал.

Я валяюсь в грязи и плачу. Слезы текут по моему лицу, почти не знавшему их, я размазываю эти соленые потоки, пачкаясь кровью вперемешку с блевотиной и жижей. Я его убил. Просто убил. Хотя он не сделал мне зла.

Но я не раскаиваюсь. В конце концов, он сам меня спровоцировал. Зачем было всё это говорить? Это моя жизнь и только моя. Жизнь проклятого миром одинокого человека.

Выплакавшись, я поднимаюсь на ноги. Мои штаны целиком вымазаны в мокрой грязи, ветер холодит ноги. Сделанного не воротишь. Нужно избавляться от трупа. И я иду в дом за Инструментами.

Я делаю всё так же, как и в предыдущий раз. Расчленяю тело Пилигрима, стараясь не смотреть на его лицо. Потом складываю части в мешки и тащу их на очистные сооружения. Так же – в две ходки.

Потом возвращаюсь домой. Жрать не хочется. В голове пусто. И я просто падаю на пол, даже не убрав Инструменты. Вместо этого раскидываю их вокруг себя и оттого становлюсь похож на мертвого древнего воина, которого я видел в одной книжке в детдоме. Один, поверженный, среди груды окровавленного оружия.

Сегодня я совершил еще одно убийство. Убийство, которого я действительно не желал.

Мне снова снится сон. Я чувствую, что это сон, потому что всё вокруг слишком непривычное.

Я лежу на полу Живодерни. Кругом темно, но сквозь щели в крыше сочится слабый свет. Надо мной кругом стоят дети. Те самые дети, из предыдущего сна.

Они стоят и хором шепчут:

*Т-с-с - тихо. Даже у стен есть уши,
Поэтому слушай:
Пойдем-ка с нами,
И вернешься к папе, к маме...*

С чего это они взяли, что я хочу к папе и маме? Тем более, учитывая то, что я собственноручно убил и папу, и маму... Но они продолжают:

*Останутся только пепел и сажа,
Иди к папе и маме - огонь подскажет...*

Ничего не понимаю. А они тянут ко мне свои тонкие ручки, и я непроизвольно тяну к

ним свои.

Мы беремся за руки, сцепляемся пальцами. Они помогают мне подняться и ведут к дверям. Мы выходим в сад. Там горит большой костер. А они мне говорят:

*Костер для тебя будет долго гореть,
Потому что тебя любит Смерть...*

Чертовщина какая-то. Они подталкивают меня слегка – дружески, ненавязчиво, и я вопреки своей воле иду к костру. А дети словно поют мне вслед:

*Отнятые игрушки -
Вот твои зверушки...*

Я подхожу к костру и вижу в нем всех, кого убил: отца, мать, бабуку, неизвестного бомжа и Пилигрима. Они манят меня своими руками, и я иду к ним.

Черт, но ведь я этого не хочу! И всё равно иду. Меня охватывает жар.

9.

Просыпаюсь весь разбитый – в голове гудит, тело ужасно ломит. Я чувствую, как кровь ритмично бьется в виски, каждый удар отдается тупой болью. Похоже, я заболел.

А болеть в моем положении – крайне опасно, скажу я вам. Помнится, два года назад среди зимы я подхватил ангину и чуть не умер. Не знаю, что меня тогда спасло. Наверное, одна лишь моя злость.

Я спускаюсь вниз и вижу, что на улице идет снег. Первый снег.

Он ложится на землю крупными хлопьями, похожими на растолченный мел. Он укрывает собой осеннюю грязь, смешанную с жухлой травой, прячет следы, вытопанные в мягкой сырой почве, он прячет кровь Пилигрима. Ветви деревьев с жалкими обрывками листвы, похожими на нестиранное белье, тоже сплошь покрыты им. Возле дома с подветренной стороны уже намело приличный сугроб.

Первый снег. На время я забываю о боли и бегу в сад; я кружусь и открываю рот, ловя им снежинки. Это первый снег. Он несет с собой чистоту, он несет с собой забвение. Белый. Цвет гармонии и смерти.

А снег всё падает и падает, укрывает белым ледяным саваном заброшенный поселок. Ветер гонит огромные сырые тучи, которые извергают из себя всю эту чистую рыхлую массу.

Я смотрю на дом – его крыша наполовину засыпана снегом, и он всё ложится на нее, закрывая собой ржавые жестяные листы, гнилые доски, поросшие бурым мхом; мой дом становится весь белый от снега.

Почувствовав прилив сил, я одеваюсь теплее, хоть это и слабо помогает – меня по-прежнему бьет сильный озноб – и иду на прогулку. Я выбираю сугробы побольше размером и разбиваю их с размаху ногами, поднимая снежную пыль; я леплю снежки и бросаю их по мишеням: деревьям, стенам брошенных домов и сараев.

В поселке я встречаю Безумную Старуху, она бежит возле своего дома полуобнаженная, снег ложится ей на плечи и на грудь. Ее седые грязные волосы покрыты снегом почти целиком и от этого кажутся еще белее, чем всегда.

Я катаю снежок покрупнее и запускаю со всего маху в нее. Старуха взвизгивает и оборачивается. Она замечает меня и слегка нагибается, склонив голову набок, и смотрит на меня, не моргая. Я вижу ее зятянутые мутной пеленой глаза.

Потом она издает продолжительный рык и вдруг заходится диким смехом. Я швыряю в нее второй снежок. Она, продолжая хохотать, падает в снег напрямик на задницу и, высоко закинув ноги, задирает юбку. Я вижу ее промежность, она не носит исподнего, там растут чахлые серые волосы, и еще я вижу большую красную щель, похожую на сочащуюся кровью рану.

Я в последний раз кидаюсь в нее снежком и иду дальше, вслед мне несется ее исступленный хохот.

Прохожу через весь поселок, иногда в провалах окон вижу людей – бомжи жгут костры, пытаюсь согреться. Всё кругом густо занесено снегом.

Поворачиваю на одну из улочек и иду в сторону перелеска. Сквозь снежную муть до меня доносится зловоние речки-говнотечки. Я спускаюсь по берегу к самой воде, затыкая нос. Снег, перемешанный с зеленоватой водой, лежит у берега грязной жижей, на ее поверхности я вижу радужные нефтяные пятна.

Я поднимаю большую палку и иду вдоль берега, сбивая с ветвей комья снега и подковыривая торчащие из земли коряги. Снег уже валит не так сильно, как с самого утра, теперь его хлопья крупнее и падают медленней. Внезапно в воде я замечаю что-то крупное, похожее на большой мешок.

Спустившись к самой воде, я пытаюсь палкой притянуть его ближе к берегу. Становится дурно от сильной вони, исходящей от воды, и я стараюсь дышать исключительно через

рот. После нескольких попыток у меня получается – мешок плавно идет к берегу. Теперь я вижу, что это труп человека.

Я подтягиваю его совсем близко и вытягиваю из воды. Перевернув мертвое тело, вижу, что лицо человека обезображено до неузнаваемости: глаза выколоты, лицо в глубоких рубцах, в которых запеклась кровь. Местами кожа просто содрана и висит рваными клочьями.

Кому как не мне разбираться в трупах – могу вам точно сказать: он – свежий. Хоть вода, пропитанная химикалиями, и успела уже сделать свое черное дело – местами кожу начало разъедать.

Там, где нет рубцов и ожогов, торчит жесткая седая щетина. Даю вам зуб – это один из обитателей заброшенного поселка. Я со всей силы бью по тому, что осталось от лица, и остатки кожи легко лопаются – из-под нее выступает какая-то желтоватая жидкость.

Я сталкиваю труп назад в воду и отталкиваю от берега. В заброшенном поселке убивают часто, как правило, бомжи друг друга в пьяной драке. Мне плевать. Одним жмуриком больше.

И тут я внезапно ощущаю, что за мной наблюдают. Поднимаю глаза и вижу нескольких малых пацанов лет десяти на той стороне речки. Они смотрят на меня с испугом и удивлением. Наши взгляды встречаются.

Недолго думая, швыряю в их сторону палку. Она почти долетает до того берега и падает в воду, поднимая столб ядовитых брызг. Пришельцы с криком бросаются враспынную и удирают в перелесок.

А вот это, скажу я вам, очень плохо. Пацаны не местные, городские – что их сюда занесло, не знаю, но они могут вернуться и привести взрослых. А это может быть очень серьезно. Это может означать конец Живодерни. А значит, конец всего, конец меня.

Черт, почему я не могу их догнать? До переправы далеко. Иначе я бы их обязательно поймал и убил. А теперь они уже наверняка со всех ног несутся к дому, и перед глазами у них стоит труп из речки. Черт! Черт! Черт!

Я ругаюсь, потом бегу по берегу и в бешенстве бью ногами по стволам деревьев, нависших над водой. Трухлявые стволы, убитые отравленной водой, рассыпаются с одного удара и летят в воду. Я останавливаюсь.

С новой силою на меня наваливается утренняя боль, всё тело вновь начинает ломить, в голове гудит и в глазах меркнет. Я решаю вернуться домой. Хватит с меня прогулок на сегодня. Пацаны наверняка в штаны наложили со страху и никому ничего не расскажут. Это мое единственное утешение.

Снег прекращается в сумерках. Я валяюсь на полу, завернувшись в грязный ватник, меня знобит. Я чувствую, как голова горит, словно ее облили бензином и подожгли, всё тело болит.

Я смотрю в чердачное окно и вижу луну, ветви деревьев в саду серебрятся в ее свете. Где-то вдали слышится хруст снега, словно там кто-то ходит. Возможно, это Безумная Старуха бегаёт в иступленном припадке, протаптывая дорожки в свежем снегу. Мне всё равно. Я хочу одного – выздороветь. Иначе мне крышка.

Это вы можете вызвать врача или послать кого-нибудь из близких за лекарствами, мне же надеяться не на кого. Одна моя надежда на то, что Смерть помнит мои заслуги перед ней.

Единственная моя надежда.

10.

Несколько дней я просто отлеживаюсь. Состояние – хуже некуда. За окном снова валит снег, теперь я чувствую, что значительно похолодало. Лишь на третий день мне становится лучше. Я решаю осмотреть свои владения.

Первым делом иду на Живодерню. Как там мои зверушки? Соскучились без меня? Пора бы подкормить их мертвечиной.

Едва я подхожу к Живодерне, как сразу замечаю, что здесь кто-то побывал. Этого только не хватало!

Вокруг сарая сильно натоптано, снег слегка припорошил следы, но я еще могу их разглядеть. Небольшие. Здесь побывала либо женщина, либо ребенок.

Безумная Старуха? Или те дети, которых я три дня назад видел у говнотечки? Мои Инструменты со мной. Я покрепче сжимаю Каратель и осторожно приоткрываю дверь.

Внутри никого. Я осматриваю клетки. Все целы, похоже, их никто не трогал. Животные тоже все на месте, при виде меня они начинают беспокойно ерзать на вонючей, перепачканной фекалиями соломе. Не беспокойтесь, мои милые, это всего лишь я.

Хотя вообще-то беспокойтесь! Смерть обошла меня стороной, и в этом я вижу добрый знак, самое время принести жертву. За этим, собственно, я и пришел.

Мои Инструменты тоже давненько не чувствовали вкуса крови и теперь просятся в дело. Я даю им волю. По очереди убиваю двух собачек и одну миленькую кошечку. Их кровь брызжет на солому и на грязный пол.

Я с воодушевлением разделяваю тушки и бросаю сырое мясо в клетки, животные тут же начинают рвать его зубами, хе-хе, они явно проголодались!

Покончив с весельем, я задумываюсь о том, что хорошо бы было теперь запирает дверь на Живодерню, чтобы оградить ее от непрошенных гостей.

Иду через поселок, в сторону речки и перелеска, мне нужно в город, я три дня нормально не ел. Дома, засыпанные снегом, выглядят холодными и неудобными. Они смотрят в пустоту окружающего мира своими темными глазами окон с выбитыми стеклами, иногда заколоченными досками или завешанными грязным тряпьем. Дует пронзительный ветер, и мне приходится плотнее запахивать свою выдавшую виды куртку.

Вода в речке не замерзла, она никогда не замерзает, от нее валит едкий вонючий пар. Здесь я тоже замечаю следы, довольно свежие, черт знает, может, их оставили обитатели заброшенного поселка, а, может, и чужаки. В любом случае мне это не нравится.

Город тоже холоден и неприветлив. Он встречает меня угрюмым взглядом, бетонные коробки домов в этой серой зимней безысходности давят на меня своей грубой тяжестью, редкие прохожие, попадающиеся навстречу, выглядят злыми и раздраженными. Но им есть хотя бы куда пойти, у них есть дом, есть горячая еда и постель. Мне же остаются только ветер, снег и надежда пережить еще одну зиму. И моя молитва Смерти.

Не скажу, что я слишком-то одинок, я привык быть один, меня это устраивает, но именно зимой кажется, что мир отвернулся от тебя навсегда, он плюнул на тебя и растер вместе с плевком по земле.

Знаете, какие у меня первые детские воспоминания? Пожалуй, это я вам расскажу.

Когда мне было два с небольшим года, я заболел пневмонией или чем-то там еще, короче, не важно, меня положили в больницу. Я был на грани жизни и смерти. Соседи нашли меня в холодном доме среди пьяных тел, замерзшего, вонючего, с примерзшими к штанишкам фекалиями. Они-то и вызвали скорую.

Маленьких детей обычно кладут в больницу с родителями. Я же был один, моим родителям было плевать на меня. Меня положили в палату с чужой женщиной, с чужим ребенком. Я был чужим для них во всех отношениях, я был маленьким засранцем, которого им навязали.

Мое существование их практически не интересовало: оно их не радовало, но, надо отдать

им должное, и не злило. Меня как будто не было. Однажды, когда я наложил в штаны, дерьмо потекло по моим ногам и наполнило сандалии почти целиком. Женщина молча сняла с меня обувь, и с отсутствующим выражением лица выкинула в окно.

Наверное, оттого, что тогда я впервые столкнулся с одиночеством и равнодушием окружающего мира, эти воспоминания такие яркие.

Однажды ночью я проснулся в непонятном возбуждении. Женщина с ребенком спали. За больничным окном над старым садом, разбитым вокруг больницы, висела огромная луна. Она смотрела на меня своим спокойным желтым глазом, полным отчаяния и одиночества. Она была одинока не меньше, чем я.

Я долго смотрел на нее. Мы были с ней одни во всем мире. Всем было плевать на нас, а нам было плевать на всех и даже друг на друга. Но я запомнил ее, эту луну в ту ночь.

С такими мыслями я прохожу весь город. Иду на рынок, в толкучке ворую немного еды, потом околачиваюсь в очередях по магазинам, вытаскивая из карманов людей мелочь. Улов сегодня небольшой, но я рад и ему.

В аптеке покупаю немного лекарств, нужно выздороветь до конца. Я иду назад, в поселок, когда внезапно слышу невдалеке крик: «Это он, живодер!»

Инстинктивно оборачиваюсь и вижу компанию здоровых парней. Один из них, помладше, показывает на меня пальцем и кричит: «Живодер! Живодер!» Они начинают двигаться в мою сторону. Я дергаю оттуда что есть сил.

Они гонятся за мной, один из них настигает меня и хватается за плечо, я бью, не глядя, куда попало и вырываюсь. Куртка трещит по швам, но сейчас это не важно. Если они меня поймут, они меня убьют – я это точно знаю. И продолжаю бежать.

Я перемахиваю через пару заборов, узкими улочками бегу прочь из города, в сторону аэродрома, потом через снежное поле, увязая в сугробах, выбиваясь из сил, падая и тут же вскакивая.

Сбиваю дыхание и кое-как, едва не теряя сознание, достигаю перелеска – там уже ухожу от погони. Прячусь в канаве среди веток и поваленных ветром стволов деревьев. Я вжимаюсь в снег, я стараюсь не дышать.

Они проносятся мимо и вскоре их возбужденные голоса затихают где-то в стороне. Я осторожно иду в другую сторону, петляя и запутывая следы. Я весь мокрый от пота, дыхание тяжелое и хриплое, я чувствую, что у меня снова поднялась температура.

Прихожу в поселок разбитый. Они всё знают! А значит, рано или поздно нагрянут сюда. Может, они уже здесь.

Осторожно крадусь по поселку, осторожно же заглядываю на Живодерню. Никого. Не теряя бдительности, я подкрадываюсь к дому и осматриваюсь. Вроде бы здесь тоже никого нет. По крайней мере, чужих следов не видеть.

Я прислушиваюсь – тихо. Только после этого решаюсь зайти в дом. Я жалею, что у меня с собой нет моих Инструментов, тогда бы я сумел постоять за себя.

В доме я валяюсь на лежанку и долго лежу, не шевелясь. Меня бьет озноб. Я вспоминаю о лекарствах, купленных сегодня, и достаю их из кармана куртки. Куртка у плеча порвана, из дыры торчат лохмотья подкладки. Я принимаю лекарства и засыпаю тяжелым беспокойным сном.

Просыпаюсь уже затемно. Как будто мне стало немного легче. За окном в небе висит огромная луна, совсем такая же, как тогда, в детстве. Она смотрит на меня своим немигающим глазом, она так же одинока, как и я.

Я развожу костер, растапливаю в котелке снег и пью теплую воду. Потом принимаю еще лекарства и снова засыпаю.

Они врываются среди ночи. Яростными ударами ног и рук будят меня, куда-то волокут. Я пытаюсь бежать, но это бесполезно: их слишком много и они сильнее. Инструменты сейчас далеки от меня, я не успеваю их схватить. А они окружают меня – здоровые парни,

среди них несколько взрослых мужчин.

Пришельцы бьют меня: по лицу, по ребрам, в живот – не глядя, куда придется. Я ползу, схаркивая кровью, а они всё бьют и бьют. Пока я не теряю сознание.

Прихожу в себя уже на Живодерне, связанный, всё тело болит, во рту соленый привкус крови. Меня уже не бьют. Они открывают клетки, срывая замки, и выпускают животных. Моих зверюшек. Я вижу их озлобленные лица, как же они похожи на всех вас!

Потом налетчики достают бензин и всё им обливают, я чувствую знакомый резкий запах, мне становится дурно.

Они почти не разговаривают, лишь сосредоточенно сваливают клетки и солому на пол, в грязь, и тоже поливают их бензином. Они поливают бензином меня.

А потом они молча уходят и закрывают за собой дверь. Я пробую ползти, каждое движение причиняет мне адскую боль. Кое-как доползаю до двери, но открыть ее не в силах – снаружи она чем-то подперта.

И тут пламя охватывает всё, оно бежит по стенам, перекидывается на пол, моментально занимают солома и клетки, огонь ползет ко мне. Я чувствую его горячее дыхание и беззвучно кричу, но это уже мне не поможет.

И я смиряюсь. У меня остается только моя ненависть. Моя злость. Мое отчуждение. И кое-что еще.

Но я вам об этом не расскажу...